

ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ

Собрание сочинений в 12 томах. Том 4 //Правда, Москва, 1978

FB2: "Lion ", 21 Июнь 2014, version 1.0

UUID: 11130587-9E19-4264-A21E-4CB3B373E0CD

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Владимирович Маяковский

Стихотворения (1926)

Содержание

КРАСНОДАР	0008
#1	0008
СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ	0010
#1	0010
СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ	0012
#1	0012
МАРКСИЗМ — ОРУЖИЕ, ОГНЕСТРЕЛЬНЫЙ МЕТОД ПРИМЕНЯЙ УМЕЮЧИ МЕТОД ЭТОТ!	0021
#1	0021
ПЕРВОМАЙСКОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ!	0028
#1	0028
ЧЕТЫРЕХЭТАЖНАЯ ХАЛТУРА	0030
#1	0030
АНГЛИЙСКОМУ РАБОЧЕМУ	0037
#1	0037
РАЗГОВОР С ФИНИНСПЕКТОРОМ О ПОЭЗИИ	0041
#1	0041
МОСКОВСКИЙ КИТАЙ	0054
#1	0054
ПЕРЕДОВАЯ ПЕРЕДОВОГО	0058
#1	0058
ВЗЯТОЧНИКИ	0063
#1	0063
В ПОВЕСТКУ ДНЯ	0071
#1	0071

ПРОТЕКЦИЯ	0075
#1	0075
ЛЮБОВЬ	0080
#1	0080
ПОСЛАНИЕ ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ	0087
#1	0087
ФАБРИКА БЮРОКРАТОВ	0096
#1	0096
ТОВАРИЦУ НЕТТЕ ПАРОХОДУ И ЧЕЛОВЕКУ	0103
#1	0103
УЖАСАЮЩАЯ ФАМИЛЬЯРНОСТЬ	0108
#1	0108
КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИВЫЧКИ	0111
#1	0111
БЕСПРИЗОРЩИНА	0116
#1	0116
«МЮД»	0119
#1	0119
ДВЕ МОСКВЫ	0122
#1	0122
РАЗГОВОР НА ОДЕССКОМ РЕЙДЕ ДЕСАНТНЫХ СУДОВ: «СОВЕТСКИЙ ДАГЕСТАН» И «КРАСНАЯ АБХАЗИЯ»	0127
#1	0127
ХУЛИГАН	0130
#1	0130
ХУЛИГАН	0136
#1	0136

В МИРОВОМ МАСШТАБЕ	0139
#1	0139
ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВАНЯ ДЫЛДИН	0144
#1	0144
МЕЧТА ПОЭТА	0150
#1	0150
ПРАЗДНИК УРОЖАЯ	0157
#1	0157
МОИ ПРОГУЛКИ СКВОЗЬ УЛИЦЫ И ПЕРЕУЛКИ	0161
#1	0161
ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРОГУЛОК ИЗ УЛИЦЫ В ПЕРЕУЛОК	0166
#1	0166
ИСКУССТВЕННЫЕ ЛЮДИ	0171
#1	0171
ПИСЬМО ПИСАТЕЛЯ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА МАЯКОВСКОГО ПИСАТЕЛЮ АЛЕКСЕЮ МАКСИМОВИЧУ ГОРЬКОМУ	0175
#1	0175
ТИП	0185
#1	0185
ДОЛГ УКРАИНЕ	0191
#1	0191
ОКТЯБРЬ 1917–1926	0195
#1	0195
НЕ ЮБИЛЕЙТЕ!	0199
#1	0199

СТОЯЩИМ НА ПОСТУ	0206
#1	0206
О ТОМ, КАК НЕКОТОРЫЕ ВТИРАЮТ ОЧКИ ТОВАРИЩАМ, ИМЕЮЩИМ ЦИКОВСКИЕ ЗНАЧКИ	0211
#1	0211
НАШ ПАРОВОЗ, СТРЕЛОЙ ЛЕТИ...	0217
#1	0217
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ И ПОДАРКИ	0222
#1	0222
НАШЕ НОВОГОДИЕ	0227
#1	0227
Комментарии	0231
#1	0231

Владимир Маяковский
СТИХОТВОРЕНИЯ
1926

КРАСНОДАР

Северяне вам наврали
о свирепости февральей:
про метели,

про заносы,
про мороз розовоносый.
Солнце жжет Краснодар,
словно щек краснота.
Красота!

Вымыл все февраль
и вымел —

не февраль,
а прачка,

и гуляет
мостовыми
разная собачка.

Подпрыгивают фоксы —
показывают фокусы.

Кроме лапок,
вся, как вакса,
низко пузом стелется,
волочит

вразвалку
такса
длинненькое тельце.

Бегут,
трясут дворняжечки —

мохнатенькие ляжечки.

Лайка

лает,

взвивши нос,

на прохожих Ванечек;

пес такой

уже не пес,

это —

одуванчик.

Легаши,

сетерá,

мопсики, этцетерá.

Даже

если

пара луж,

в лужах

сотня солнц юлится.

Это ж

не собачья глушь,

а собачкина столица.

СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ

*Погода такая,
что маю впору.*

*Май —
ерунда.*

*Настоящее лето.
Радуетесь всему:*

*носильщику,
контро-
леру
билетов.*

*Руку
само
поднимает перо,
и сердце
вскипает
песенным даром.*

*В рай
готов
расписать перрон*

Краснодара.

*Тут бы
запеть
соловьё-трелёру.*

*Настроение —
китайская чайница!*

И вдруг

на стене:

— Задавать вопросы
КОН-

тролеру
строго воспрещается! —

И сразу
сердце за удилá,
Соловьев

камнями с ветки.

А хочется спросить:

— Ну, как дела?

Как здоровьице?

Как детки? —

Прошел я,

глаза

к земле низя́,

только подхихикнул,

ища покрови-

тельства.

И хочется задать вопрос,

а нельзя —

еще обидятся:

правительство!

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.
Пустота...
Летите,
в звезды врезыва-
ясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
Трезвость.
Нет, Есенин,
это
не насмешка,—
в горле
горе комом,
не смешок.
Вижу —
врезанной рукой помеш-
кав,
собственных
костей
качаете мешок.
— Прекратите!
Бросьте!
Вы в своем уме
ли?

Дать,
 чтоб щеки
 заливал
 смертельный

мел?!
Вы ж
 такое
 загибать умели,
что другой
 на свете
 не умел.

Почему?
 Зачем?
 Недоуменье смяло.

Критики бормочут:
 — Этому вина

то
 да сё,
 а главное,
 что смычки мало,
в результате
 много пива и вина.—

Дескать,
 заменить бы вам
 богему
 клас-

сом,
класс влиял на вас,

и было б не до
драк.
Ну, а класс-то
жажду
заливает ква-
сом?
Класс — он тоже
выпить не дурак.
Дескать,
к вам приставить бы
кого из на-
постов —
стали б
содержанием
премного ода-
рённей:
Вы бы
в день
писали
строк по сто,
утомительно
и длинно,
как Доронин.
А по-моему,
осуществись
такая бредь,
на себя бы
раньше наложили руки.

Лучше уж
от водки умереть,
чем от скуки!
Не откроют
нам
причин потери
ни петля,
ни ножик перочинный.
Может,
окажись
чернила в «Англете-
ре»,
вены
резать
не было б причины.
Подражатели обрадовались:
бис!
Над собою
чуть не взвод
расправу учи-
нил.
Почему же
увеличивать
число само-
убийств?
Лучше
увеличь
изготовление чер-

нил!
Навсегда
теперь
язык
в зубах затво-
рится.
Тяжело
и неуместно
разводить ми-
стерии.
У народа,
у языкотворца,
умер
звонкий
забулдыга подмасте-
рье.
И несут
стихов заупокойный лом,
с прошлых
с похорон
не переделавши
почти.
В холм
тупые рифмы
загонять колом
—
разве так
поэта

надо бы почтить?
Вам
 и памятник еще не слит, —
где он,
 бронзы звон
 или гранита
грань? —
а к решеткам памяти
 уже
 понанесли
посвящений
 и воспоминаний дрянь.
Ваше имя
 в платочки рассоплено,
ваше слово
 слюнявит Собинов
и выводит
 под березкой дохлой —
«Ни слова,
 о дру-уг мой,
 ни вздо-о-о-о-
ха».
Эх,
 поговорить бы и́наче
с этим самым
 с Леонидом Лоэнгрины-
чем!
Встать бы здесь

гремящим скандали-
стом:
— Не позволю
мямлить стих
и мять! —
Оглушить бы
их
трехпалым сви-
стом
в бабушку
и в бога душу мать!
Чтобы разнеслась
бездарнейшая
погань,
раздувая
темь
пиджачных парусов,
чтобы
врассыпную
разбежался Коган,
встреченных
увеча
никами усов.
Дрянь
пока что
мало поредела.
Дела много —
только попевать.

Надо
жизнь
сначала переделать,
переделав —
можно воспевать.
Это время —
трудновато для пера,
но скажите
вы,
калеки и калекши,
где,
когда,
какой великий выбирал
путь,
чтобы протоптанней
и легче?
Слово —
полководец
человечьей силы.
Марш!
Чтоб время
сзади
ядрами рва-
лось.
К старым дням
чтоб ветром
относило
только

путаницу волос.
Для веселия
 планета наша
 мало обору-
дована.
Надо
 вырвать
 радость
 у грядущих дней.
В этой жизни
 помереть
 не трудно.
Сделать жизнь
 значительно труд-
ней.

МАРКСИЗМ — ОРУЖИЕ, ОГНЕСТРЕЛЬНЫЙ МЕТОД ПРИМЕНЯЙ УМЕЮЧИ МЕТОД ЭТОТ!

Штыками
 двух столетий стык
закрепляет
 рабочая рать.
А некоторые
 употребляют штык,
чтоб им
 в зубах ковырять.
Все хорошо:
 поэт поет,
критик
 занимается критикой.
У стихотворца —
 корытце свое,
у критика —
 свое корытико.
Но есть
 не имеющие ничего,
 окромя
красивого почерка.
А лезут

в книгу,
хваля
и грома
из пушки
критического очерка.
А чтоб
имелось
научное лицо
у этого
вздора злопыханного —
всегда
на столе
покрытый пыльцой
неразрезанный том
Плеханова.
Зазубрит фразу
(ишь, ребятье!)
и ходит за ней,
как за няней.
Бытье —
а у этого — еда и питье
определяет сознание.
Перелистывая
авторов
на букву «эл»,
фамилию
Лермонтова
встретя,

критик выясняет,
что́ он ел

на первое
и что́ — на третье.

— Шампанское пил?

Выпивал, допу-

стим.

Налет буржуазный густ.

А его

любовь

к маринованной капу-

сте

доказывает

помещичий вкус.

В Лермонтове, например,

чтоб далеко

не идти,

смысла

не больше,

чем огурцов в ака-

ции.

Целые

хоры

небесных светил,

и ни слова

об электрификации.

Но,

очищая ядро

от фразерских ко-
рок,
бобы —
от шелухи лиризма,
признаю,
что Лермонтов
близок и дорог
как первый
обличитель либерализ-
ма.
Массам ясно,
как ни хитри,
что, милюковски юля,
светила
у Лермонтова
ходят без вет-
рил,
а некоторые —
и без руля.
Но так ли
разрабатывать
важнейшую из
тем?
Индивидуализмом пичкать?
Демоны в ад,
а духи —
в эдем?
А где, я вас спрашиваю, смычка?

Довольно
этих
божественных ле-
генд!
Любою строчкой вырванной
Лермонтов
доказывает,
что он —
интел-
лигент,
к тому же
деклассированный!
То ли дело
наш Степа
— забыл,
к сожалению,
фамилию и от-
чество,—
у него
в стихах
Коминтерна топот...
Вот это —
настоящее творчество!
Степа —
кирпич
какого-то здания,
не ему
разговаривать вкось и

вкривь.

Степа

творит,

не затемняя сознания,

без волокиты аллитераций

и рифм.

У Степы

незнание

точек и запятых

заменяет

инстинктивный

массовый ра-

зум,

потому что

батрачка —

мамаша их,

а папаша —

рабочий и крестьянин

сразу.—

В результате

вещь

ясней помидора

обволакивается

туманом сизым,

и эти

горы

нехитрого вздора

некоторые

называют марксизмом.
Не говорят
о веревке
в журнале пове-
шенного,
не изменить
шаблона прилежного.
Лежнев зарадуется —
«он про Вешне-
ва».

Вешнев

— «он про Лежнева».

19/IV-26 г.

ПЕРВОМАЙСКОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ!

*Товарищ солнце, — не щерься и не
ящерься! — Вели облакам своротить
с пути! — Сегодняшний праздник —
праздник трудящихся, — и нечего сабо-
тажничать: взойди и свети!*

*Тысячи лозунгов, знаменами избран-
ных, — зовут к борьбе за счастье лю-
дей, — а кругом пока — толпа беспри-
зорных. — Что несправедливей, злей и
лютей?!*

*Смотри: над нами красные шелка —
словами бессеребряными затканы, — а
у скольких еще бока кошелька — от-
топыриваются взятками?*

*Подняв надзнаменных звезд рогули-
ны, — сегодня по праву стойте и ходи-
те! — А мало ли буден у нас прогуле-
но? — Мало простоено? Сколько хоти-
те!*

*Наводненье видели? В стены домьи —
бьется льдина, мокра и остра. — Вот
точно так режим экономии — распи-
рает у нас половодье растрат.*

Товарищ солнце, скажем просто: —

дыр и прорех у нас до черта. — Рядом с делами огромного роста — целая коллекция прорв и недочетов.

Солнце, и в будни лезь из-за леса, — жги и не пьтсья на попятный! — Выжжем, выжжем каленым железом — эти язвы и грязные пятна!

А что же о мае, поэтами опетом? — Разве п-е-р-в-о-г-о такими поздравлениями бодряют? — А по-моему: в о-п-е-р-в-ы-х, подумаем об этом, — если есть свободные три дня подряд.

ЧЕТЫРЕХЭТАЖНАЯ ХАЛТУРА

В центре мира
 стоит Гиз —
оправдывает штаты служебный
раж.
Чтоб книгу
 народ
 зубами грыз.
наворачивается
 миллионный тираж.
Лицо
 тысячеглазого треста
 блестит
электричеством ровным.
Вшивают
 в Маркса
 Аверченковы ли-
сты,
выписывают гонорары Цицеро-
нам.
Готово.
 А зав
 упрется назавтра
в заглавие,
 как в забор дышлом.

Воедино
сброшировано
12 авторов!

— Как же это, родимые, вы-
шло?? —

Темь
подвалов
тиражом беля,
залегает знание —
и лишь

бегает
по книжным штабелям
жирная провинциалка —
мышь.

А читатели
сидят
в своей уездной яме,
иностранным упиваются,
мозги щадя.

В Африки
вослед за Бенуями
улетают
на своих жилплощадах.

Званье
— «пролетарские» —
нося как

эполеты,
без ошибок

с Пушкина

списав про вёс-

ны,
выступают

пролетарские поэты,
развернув
рулоны строф повёрст-
ных.

Чем вы — пролетарий,
уважаемый по-
эт?

Вы
с богемой слились

9 лет назад.

Ну, скажите,
уважаемый пролет,—
вы давно
динаму
видели в глаза?

— Извините
нас,
сермяжных,
за стишонок

неудачненький.

Не хотите
под гармошку поплясать
ли? —

Это,

в лапти нарядившись,
выступают

дачники
под заглавьем
— крестьянские писа-
тели.

О, сколько нуди такой городимо,
от которой

мухи падают замертво!

Чего только стоит

один Радимов

с греко-рязанским своим гекза-
метром!

Разлунивши

лысины лачки,

убежденно

взявши

ручку в ручки,

бороденок

теребя пучки,

честно

пишут про Октябрь

попутчики.

Раньше

маленьким казался и Лес-

ков —

рядышком с Толстым

почти не виден.

Ну, скажите мне,
в какой же телескоп
в те недели
был бы виден Лидин?!

— На Руси
одно веселье —
питы...—

А к питью
подай краюху
и кусочек сыру.

И орут писатели
до хрипоты
о быте,

увлекаясь
бытом
госиздатовских кас-
сиров.

Варят чепуху
под клубы
трубочного ды-
ма —

всякую уху
сожрет
читатель-Фока.

А неписанная жизнь
проходит
мимо
улицею фыркающих окон.

А вокруг
 скачут критики
 в мыле и пене:
— Здорово пишут писатели,
братцы!
— Гений-Казин,
 Санников-гений...
Все замечательно!
 Рады стараться!

—
С молотка
 литература пущена.
Где вы,
 сеятели правды
 или звезд сия-
тели?
Лишь в четыре этажа халтурщи-
на:
Гиза,
 критика,
 читаки
 и писателя.
Нынче
 стала
 зелень веток в ред-
кость,
гол
 литературы ствол.

Чтобы стать
поэту крепкой веткой
—
выкрепите мастерство!

АНГЛИЙСКОМУ РАБОЧЕМУ

Вокзал оцепенел,
о немевает док.
Посты полиции,
заводчикам в угоду.
От каждой буквы
замиранья холодок,
как в первый день
семнадцатого го-
да.
Радио
стальные шеи своротили.
Слушают.
Слушают,
что из-за Ламан-
ша.
Сломают?
Сдадут?
Предадут?
Или
красным флагом нам замашут?
Слышу.
Слышу
грузовозов храп,
лязг оружия,
цоканье шпор.
Это в док

идут штрейкбрехера.
Море,
им в морду
выплесни шторм!
Слышу —
шлепают дворцовая че-
лядь.
К Болдуину,
не вяжущему лык,
сэр Макдональд
пошел церетелить.
Молния,
прибей соглашательский
язык!
Слышу —
плач промелькнул мель-
кóм.
Нечего есть.
И нечего хлебать.
Туман,
к забастовщикам
теки моло-
ком!
Камни,
обратитесь в румяные хле-
ба!
Радио стало.
Забастовала высь.

Пусто,—
ни слова,—
тишь да гладь.
Земля,
не гони!
Земля, — остановись!
Дай удержаться,
дай устоять.
Чтоб выйти
вам
из соглашательской
опеки,
чтоб вам
гореть,
а не мерцать —
вам наш привет
и наша копейка,
наши руки
и наши сердца.
Нам
чужды
политиков шарады, —
большевикам
не надо аллегорий.
Ваша радость —
наша радость,
боль —
это наша боль

и горе.

Мне бы

сейчас

да птичью долж-

ность.

Я бы в Лондон.

Целые пять,

пять миллионов

— простите за вос-

торженность! —

взял бы,

обнял

и стал целовать.

РАЗГОВОР С ФИНИНСПЕКТОРОМ О ПОЭЗИИ

*Гражданин фининспектор!
Простите за
беспокойство.
Спасибо...
не тревожьтесь...
я постою...*

*У меня к вам
дело
деликатного свой-
ства:
о месте
поэта
в рабочем строю.*

*В ряду
имеющих
лабазы и угожья
и я обложен
и должен караться.*

*Вы требуете
с меня
пятьсот в полуго-
дие
и двадцать пять*

за неподачу деклара-
ций.
Труд мой
любому
труду
родствен.
Взгляните —
сколько я потерял,
какие
издержки
в моем производстве
и сколько тратится
на материал.
Вам,
конечно, известно
явление «риф-
мы».
Скажем,
строчка
окончилась словом
«от-
ца»,
и тогда
через строчку,
слога повторив,
мы
ставим
какое-нибудь:

ла м ца д р и ца-ца.

Говоря по-вашему,

рифма —

вексель.

Учесь через строчку! —

вот распоря-

жение.

И ищешь

мелочишку суффиксов и

флексий

в пустующей кассе

склонений

и спряже-

ний.

Начнешь это

слово

в строчку всовы-

вать,

а оно не лезет —

нажал и сломал.

Гражданин фининспектор,

честное сло-

во,

поэту

в копеечку влетают слова.

Говоря по-нашему,

рифма —

Бочка с динамитом. бочка.
Строчка — фитиль.
Строка додымит,
взрывается строчка,—
и город на воздух
строфой летит.
Где найдешь,
на какой тариф,
рифмы,
чтоб враз убивали, нацелясь?
Может,
пяток
небывалых рифм
только и остался
что в Венецуэле.
И тянет
меня
в холода и в зной.
Бросаюсь,
опутан в авансы и в займы я.
Гражданин,
учтите билет проезд-

ной!
Поэзия
— вся! —
езда в неизвестное.
Поэзия —
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.
Но как
испепеляюще
слов этих жже-
ние
рядом
с тлением
слова-сырца.
Эти слова
приводят в движение
тысячи лет
миллионов сердца.
Конечно,
различны поэтов сорта.
У скольких поэтов
легкость руки!
Тянет,

Пуд,
как говорится,
соли столовой
съешь
и сотней папирос клуби,
чтобы
добыть
драгоценное слово
из артезианских
людских глубин.

И сразу
ниже
налога рост.

Скиньте
с обложенья
нуля колесо!
Рубль девяносто
сотня папирос,
рубль шестьдесят
столовая соль.

В вашей анкете
вопросов масса:
— Были выезды?
Или выездов нет? —

А что,
если я
десяток пегасов
загнал

за последние
15 лет?!

У вас —
— в мое положенье войдите
—
про слуг
и имущество
с этого угла.

А что,
если я
народа водитель
и одновременно —
народный слуга?

Класс
гласит
из слова из нашего,
а мы,
пролетарии,
двигатели пера.

Машину
души
с годами изнашиваешь.

Говорят:
— в архив,
исписался,
пора! —

Все меньше любитя,
все меньше дер-

и — знаю — не налгу:
на фоне
сегодняшних
дельцов и пролаз
я буду
— один! —
в непролазном дол-

гу.
Долг наш —
реветь
медногорлой сире-
ной
в тумане мещанья,
у бурь в кипеньи.

Поэт
всегда
должник вселенной,
платящий
на горе
проценты
и пени.

Я
в долгу
перед Бродвейской лампи-
онией,
перед вами,
багдадские небеса,
перед Красной Армией,

перед вишнями
Японию —
перед всем,
про что
не успел напи-
сать.
А зачем
вообще
эта шапка Сене?
Чтобы — целься рифмой
и ритмом
яришь?
Слово поэта —
ваше воскресенье,
ваше бессмертие,
гражданин канце-
лярист.
Через столетья
в бумажной раме
возьми строку
и время верни!
И встанет
день этот
с фининспектора-
ми,
с блеском чудес
и с вонью чернил.
Сегодняшних дней убежденный

нули
у цифры скрестя!
Я по праву
требую пядь
в ряду
беднейших
рабочих и крестьян.
А если
вам кажется,
что всего делов —
это пользоваться
чужими словесами,
то вот вам,
товарищи,
мое стило,
и можете
писать
сами!

МОСКОВСКИЙ КИТАЙ

Чжан Цзо-лин
да У Пей-фу
да Суй да
Фуй —
разбирайся,
от усилий в мыле!
Натошак
попробуй
расшифруй
путаницу
раскитаенных фамилий!

Эта жизнь
отплыла сновиденьем,
здесь же —
только звезды
поутру
утрут —
дым
уже
встает над заведением:
«Китайский труд».
Китаец не рыбка,
не воробей на воротах,

надо
«шибака»
ему работать.
Что несет их
к синькам
и крахмалам,
за 6 тысяч верст
сюда
кидает?

Там
земля плохая?
Рису, что ли, ма-
ло?

Или
грязи мало
для мытья
в Китае?

Длинен всегда
день труда.
Утюг сюда,
утюг туда.
Тихо здесь,
коты
лежат и жмурят-

ся.
И любой
рабочий
защищен.

А на родине
мукденцы
да маньчжур-
цы...
Снимут голову —
не отрастишь еще.
Тяжело везде,
да не надо домой,
лучше весь день
гладь
да мой!
У людей
единственная
фраза на губах,
все одно и то же,
явь ли,
или сон:
— В пятницу
к двенадцати
пять ру-
бах! —
— В среду
к обеду
семь кальсон! —
Не лучший труд —
бумажные розы.
Мальчишки орут:
— У-у-у!

Китаёзы! —
Повернется,
взглядом подарив,
от которого
зажглось
лицо осеннее...

Я
хотя
совсем не мандарин,
а шарахаюсь
от их косения.

Знаю,
что — когда
в Китай
придут
октябрьские

повторы
и сшибется
класс о класс —
он покажет им,
народ,
который
косоглаз.

ПЕРЕДОВАЯ ПЕРЕДОВОГО

Довольно
сонной,
расслабленной
праздности!
Довольно
козырянья
в тысячи рук!
Республика искусства
в смертельной
опасности —
в опасности краска,
слово,
звук.
Громы
зажаты
у слова в кулаке,—
а слово
зовется
только с тем,
чтоб кланялось
событью
слово-лакей,
чтоб слово плелось
у статей в хво-
сте.
Брось дрожать

за шкуры скряжьи!
Вперед забегайте,
не боясь суда!
Зовите рукой
с грядущих кряжей:
«Пролетарий,
сюда!»
Полезли
одиночки
из миллионной дав-
ки —
такого, мол,
другого
не увидишь в
жисть.
Каждый
рад
подставить бородавки
под увековечливую
ахровскую кисть.
Вновь
своя рубаха
ближе к телу?
А в нашей работе
то и ново,
что в громаде,
класс которую сделал,
не важно

сделанное
Петровым и Ива-
новым.
Разнообразны
души наши.
Для боя — гром,
для кровати —
шепот.
А у нас
для любви и для боя —
марши.
Извольте
под марш
к любимой шле-
пать!
Почему
теперь
про чужое поем,
изъясняемся
ариями
Альфреда и Тра-
виаты?
И любви
придумаем
слово свое,
из сердца сделанное,
а не из ваты.
В годы голода,

стужи-злюки
разве
 филармонии играли окрест?
Нет,
 свои,
 баррикадные звуки
нашел
 гудков
 медногорлый оркестр.
Старью
 революцией
 поставлена точ-
ка.
Живите под охраной
 музейных оград.
Но мы
 не предадим
 кустарям-одинач-
кам
ни лозунг,
 ни сирену,
 ни киноаппарат.
Наша
 в коммуну
 не иссякнет вера.
Во имя коммуны
 жмись и мнись.
Каждое

сегодняшнее дело
меряй,
как шаг
в электрический,
в машинный
коммунизм.
Довольно домашней,
кустарной
праздности!
Довольно
изделий ловких рук!
Федерация муз
в смертельной опас-
ности —
в опасности слово,
краска
и звук.

ВЗЯТОЧНИКИ

Дверь. На двери —
«Нельзя без доклада».
Под Марксом,
в кресло вкресленный,
с высоким окладом,
высок и гладок,
сидит
облеченный ответственный.
На нем
контрабандный подарок —
жилет,
в кармане —
ручка на страже,
в другом
уголочком торчит билет
с длиннющим
подчищенным стажем.
Весь день —
сплошная работа уму.
На лбу —
непролазная дума:
кому
ему
устроить куму,

кому приспособить кума?
Он всюду
пристроил
мелкую сошку,
везде
у него
по лазутчику.
Он знает,
кому подставить ножку
и где
иметь заручку.
Каждый на месте:
невеста —
в тресте,
кум —
в ГУМ,
брат —
в наркомат.
Все шире периферия родных,
и
в ведомостичках узких
не вместишь
всех сортов наградных
—
спецставки,
тантьемы,
нагрузки!
Он специалист,

но особого рода:

он

в слове

мистику стер.

Он понял буквально

«братство наро-

дов»

как счастье братьев,

тётъ

и сестер.

Он думает:

как сократить ему

штаты?

У Кэт

не глаза, а угли...

А, может быть,

место

оставить для

Наты?

У Наты формы округлей.

А там

в приемной —

сдержанный гул,

и воздух от дыма спирается.

Ответственный жмет плечьми:

— Не мо-

гу!

Нормально...

Дела разбираются!
Зайдите еще
через день-другой...—
Но дней не дожидаться жданных.
Напрасно
проситель
согнулся дугой.

— Нельзя...
Не имеется данных! —
Пока поймет!

Обшаркав паркет,
порывшись в своих чемоданах,
проситель
кладет на суконце пакет
с листами
новейших данных.

Простился.
Ладонью пакет заслоня
— взрумянились щеки-пончики, —
со сладострастием,
пальцы слюня,
мерзавец
считает червончики.

А давший
по учрежденью орет,
от правильной гневности красен:
— Подать резолюцию! —
И в разворот

— во весь! —

на бумаге:

«Согласен»!

Ответственный

мчит

в какой-то подъ-

езд.

Машину оставил

по праву.

Ответственный

ужин с любовницей

ест,

ответственный

хлещет «Абрау».

Любовницу щиплет,

весел и хитр.

— Вот это

подарочки Сонечке:

Вот это, Сонечка,

вам на духи.

Вот это

вам на кальсончики...—

Такому

в краже рабочих тыщ

для ширмы октябрьское зарево.

Он к нам пришел,

чтоб советскую

нищъ

на кабаки разбазаривать.

Я

белому

руку, пожалуй, дам,
пожму, не побрезгав ею.

Я лишь усмехнусь:

— А здорово вам

наши

намылили шею! —

Укравшему хлеб

не потребуешь кар.

Возможно

простить и убийце.

Быть может, больной,

сумасшедший

угар

в душе

у него

клубится.

Но если

скравший

этот вот рубль

ладонью

ладонь мою тронет,

я, руку помыв,

кирпичом ототру

поганую кожу с ладони.

Мы белым

едва обломали рога:
хромает
пока что
одна нога,—
для нас,
полусытых и латочных,
страшной
и гаже
любого врага
взяточник.
Железный лозунг
партией дан.
Он нам
недешево дался!
Долой присосавшихся
к нашим
рядам
и тех,
кто к грошам
присосался!
Нам строиться надо
в гигантский
рост,
но эти
обсели кассы.
Каленым железом
выжжет нарост
партия

и рабочие массы.

В ПОВЕСТКУ ДНЯ

Ставка на вас,
комсомольцы товари-
щи,—
на вас,
грядущее творящих!

Петь
заставьте
быт тарабарящий!

Расчистьте
квартирный ящик!
За десять лет —
устанешь бороть-

ся,—
расшатаны
— многие! —
тряской.

Заплыло
тиной
быта болотце,
покрылось
будничной ряской.

Мы так же
сердца наши
ревностью

жжем —
и суд наш

по-старому скорый:
мы
 часто
 наганом
 и финским ножом
решаем —
 любовные споры.
Нет, взвидя,
 что есть
 любовная ржа,
что каши вдвоем
 не сварить,—
ты зубы стиснь
 и, руку пожав,
скажи:
 — Прощевай, товарищ! —
У скольких
 мечта:
 «Квартирку б в на-
ем!
Свои сундуки
 да клетки!
И угол мой
 и хозяйство мое —
и мой
 на стене
 портретик».
Не наше счастье —

счастье вдвоем!
С классом
спаяйся четко!
Коммуна:
все, что мое,—
твое,
кроме —
зубных щеток.
И мы
по-прежнему,
если радостно,
по-прежнему,
если горе нам —
мы
топим горе в сорокаградусной
и празднуем
радость
трехгорным.
Питье
на песни б выменять нам.
Такую
сделай, хоть тресни!
Чтоб пенистой пива,
чтоб крепче вина
хватали
за душу
песни.

Гуляя,
 работая,
 к любимой льня, —
думай о коммуне,
 быть или не быть
ей?!

В порядок
 этого
 майского дня
поставьте
 вопрос о быте.

ПРОТЕКЦИЯ

ОБЫВАТЕЛИ АДА В 3-Х ЧАСТЯХ

1

Обыватель Михин —
друг дворничихин.
Дворник Службин
с Фелицией в дружбе.
У тети Фелиции
лицо в милиции.
Квартхоз милиции
Федор Овечко
имеет
в совете
нужного человечка.
Чин лица
не упомнишь никак:
главшвейцар
или помистопника.
А этому чину
домами знакома
мамаша
машинистки секретаря
райкома.
У дочери ее
большущие связи:

друг во ВЦИКЕ
 (шофер в автобазе!),
 а Петров, говорят,
 развозит мужчину,
 о котором
 все говорят шепоточ-
 ком,—
 маленького роста,
 огромного чина.
 Словом —
 он...
 Не решаюсь...
 Точка.

2

Тихий Михин
 пойдет к дворничихе.
 «Прошу покорненько,
 попросите дворника».
 Дворник стукнется
 к тетке заступнице.
 Тетка Фелиция
 шушукнет в милиции.
 Квартхоз Овечко
 замолвит словечко.
 А главшвейцар —
 да-Винчи с лица,

весь в бороде,
 как картина в раме,—
прямо
 пойдет
 к машинисткиной ма-
ме.

Просьбу
 дочь
 передает огласке:
глазки да ласки,
 ласки да глазки...

Кого не ловили на такую аферу?
Куда ж удержаться простаку-шо-
феру!

Петров подождет,
 покамест,
 как солнце,
персонье лицо расперсонится.

— Простите, товарищ,
 извинений ты-
сячка... —

И просит
 и молит, ласковой лани.

И чин снисходит:
 — Вот вам записоч-
ка.—

А в записке —
 исполнение всех жела-

А попробуй —
полазий
без родственных связей!

Покроют дворники
словом черненьким.

Обложит белолица
тетя Фелиция.

Подвернется нога,
перервутся нервы
у взвидевших наган
и усы милиционероввы.

В швейцарской судачат:

— И не лезь к
совету:

все на даче,
никого нету.—

И мама сама
и дитя-машинистка,

невинность блюдя,
не допустят близ-

ко.

А разных главных
неуловимо

шоферы

возят и возят мимо.
Не ухватишь —
скользкие, —
не люди, а
налимы.
«Без доклада воспрещается».
Куда ни
глянь,
«И пойдут они, солнцем палимы,
И застонут...»
Дело дрянь!
Кто бы ни были
сему виновниками
— сошка маленькая
или крупный
кит, —
разорвем
сплетенную чиновниками
паутину кумовства,
протекций,
волокит.

ЛЮБОВЬ

Мир
 опять
 цветами оброс,
у мира
 весенний вид.
И вновь
 встает
 нерешенный вопрос —
о женищинах
 и о любви.
Мы любим парад,
 нарядную песню.
Говорим красиво,
 выходя на митинг.
Но часто
 под этим,
 покрытый плесе-
нью,
старенький-старенький бытик.
Поет на собрание:
 «Вперед, товари-
щи...»
А дома,
 забыв об арии сольной,
орет на жену,
 что щи не в наваре

и что
огурцы
плоховато просолены.
Живет с другой —
киоск в ширину,
бельем —
шантанная дива.
Но тонким чулком
попрекает жену:
— Компрометируешь
пред коллекти-
вом.—
То лезут к любой,
была бы с ногами.
Пять баб
переменит
в течение суток.
У нас, мол,
свобода,
а не моногамия.
Долой мещанство
и предрассудок!
С цветка на цветок
молодым стрекоз-
лом
порхает,
летает
и мечется.

Одно ему
в мире
кажется злом —
это
алиментищица.
Он рад умереть,
экономя треть,
три года
судиться рад:
и я, мол, не я,
и она не моя,
и я вообще
кастрат.
А любят,
так будь
монашенкой верной
—
тиранит
ревностью
всякий пустяк
и мерит
любовь
на калибр револьвер-
ный,
неверной
в затылок
пулю пустя.
Четвертый —

герой десятка сраже-
ний,
а так,
что любо-дорого,
бежит
в перепуге
от туфли жениной,
простой туфли Мосторга.
А другой
стрелу любви
иначе метит,
путает
— ребенок этакий —
уловенье
любимой
в романические
сети
с повышеньем
подчиненной по та-
рифной сетке...
По женской линии
тоже вам не райские скинии.
Простенького паренька
подцепила
барынька.
Он работать,
а ее
не удержат никак

—
бегает за клёшем
каждого бульварни-
ка.

Что же,
сиди
и в плаче
Нилом нилься.

Ишь! —
Жених!
— Для кого ж я, милые, женился?
Для себя —
или для них? —

У родителей
и дети этакого сорта:
— Что родители?
И мы

не хуже,
мол! —
Занимаются
любовью в виде спорта,
не успев
вписаться в комсомол.

И дальше,
к деревне,
быт без движе-
нья —
живут, как и раньше,

из года в год.
Вот так же
замуж выходят
и женятся,
как покупают
рабочий скот.
Если будет
длиться так
за годом го-
дик,
то,
скажу вам прямо,
не сумеет
разобрать
и брачный кодекс,
где отец и дочь,
который сын и ма-
ма.
Я не за семью.
В огне
и в дыме синем
выгори
и этого старья кусок,
где шипели
матери-гусыни
и детей
стерег
отец-гусак!

Нет.

Но мы живем коммуной
плотно,
в общезжитиях
грязнеет кожа тел.

Надо
голос
подымать за чисто-
плотность
отношений наших
и любовных дел.

Не отвиливай —
мол, я не венчан.

Нас
не поп скрепляет тарабаря-
щий.

Надо
обвязать
и жизнь мужчин и
женщин
словом,
нас объединяющим:
«Товари-
щи».

ПОСЛАНИЕ ПРОЛЕТАРСКИМ ПОЭТАМ

Товарищи,
 позвольте
 без позы,
 без мас-
ки —
как старший товарищ,
 неглупый и чут-
кий,
поразговариваю с вами,
 товарищ
Безыменский,
товарищ Светлов,
 товарищ Уткин.
Мы спорим,
 аж глотки просят лу-
жения,
мы
 задыхаемся
 от эстрадных побед,
а у меня к вам, товарищи,
 деловое пред-
ложение:
давайте
 устроим

веселый обед!
Расстелим внизу
комплименты ков-
ровые,
если зуб на кого —
отпилим зуб;
розданные
Луначарским
венки лавро-
вые —
сложим
в общий
товарищеский суп.
Решим,
что все
по-своему правы.
Каждый поет
по своему
голоску!
Разрежем
общую курицу славы
и каждому
выдадим
по равному куску.
Бросим
друг другу
шпильки подсовы-
вать,

разведем
изысканный
словесный ажур.

А когда мне
товарищи
предоставят

слово —
я это слово возьму
и скажу:

— Я кажусь вам
академиком
с большим

задом,
один, мол, я
жрец
поэзий непролаз-
ных.

А мне
в действительности
единствен-

ное надо —
чтоб больше поэтов
хороших
и разных.

Многие
пользуются
напостовской
тряскою,

с тем
чтоб себя
обозвать получше.
— Мы, мол, единственные,
мы проле-
тарские... —
А я, по-вашему, что —
валютчик?

Я
по существу
мастеровой, братцы,
не люблю я
этой
философии нудовой.
Засучу рукавчики:
работать?
драться?
Сделай одолжение,
а ну, давай!

Есть
перед нами
огромная работа —
каждому человеку
нужное стихаче-
ство.
Давайте работать
до седьмого пота
над поднятием количества,

над улучшени-
ем качества.
Я меряю
по коммуне
стихов сорта,
в коммуну
душа
потому влюблена,
что коммуна,
по-моему,
огромная высо-
та,
что коммуна,
по-моему,
глубочайшая
глубина.
А в поэзии
нет
ни друзей,
ни родных,
по протекции
не свяжешь
рифм лычки.
Оставим
распределение
орденов и на-
градных,
бросим, товарищи,

наклеивать яр-
лычки.
Не хочу
похвастать
мыслью новень-
кой,
но по-моему —
утверждаю без ав-
торской спеси —
Коммуна —
это место,
где исчезнут
чиновники
и где будет
много
стихов и песен.
Стоит
изумиться
рифмочек парой
нам —
мы
почитаем поэта гением.
Одного
называют
красным Байроном,
другого —
самым красным Гейнем.
Одного боюсь —

за вас и сам, —
чтоб не обмелели
наши души,
чтоб мы
не возвели
в коммунистиче-
ский сан
плоскость раешников
и ерунду часту-
шек.

Мы духом одно,
понимаете сами:
по линии сердца
нет раздела.

Если
вы не за нас,
а мы
не с вами,
то черта ль
нам
остается делать?

А если я
вас
когда-нибудь крою
и на вас
замахивается
перо-рука,
то я, как говорится,

добыл это кровью,
я
больше вашего
рифмы строгал.
Товарищи,
бросим
замашки торго-
шья
— моя, мол, поэзия —
мой лабаз! —
всё, что я сделал,
всё это ваше —
рифмы,
темы,
дикция,
бас!
Что может быть
капризной славы
и пе-
пельней?
В гроб, что ли,
брать,
когда умру?
Наплевать мне, товарищи,
в высшей
степени
на деньги,
на славу

и на прочую муру!

Чем нам

делить

поэтическую

власть,

сгрудим

нежность слов

и слова-бичи,

и давайте

без завистей

и без фамилий

класть

в коммуну стройку

слова-кирпичи.

Давайте,

товарищи,

шагать в ногу.

Нам не надо

брюзжащего

лысого парик-

ка!

А ругаться захочется —

врагов много

по другую сторону

красных баррикад.

ФАБРИКА БЮРОКРАТОВ

Его прислали
для проведения режи-
ма.
Средних способностей.
Средних лет.
В мыслях — планы.
В сердце — реши-
мость.
В кармане — перо
и партбилет.
Ходит,
распоряжается энергичным
жестом.
Видно —
занимается новая эра!
Сам совался в каждое место,
всех переглядел —
от зава до курье-
ра.
Внимательный
к самым мельчай-
шим крохам,
вздувает
сердечный пыл...
Но бьются
слова,

как об стену горо-
хом,
об —
канцелярские лбы.
А что канцелярии?
Внимает мошен-
ница!
Горите
хоть солнца ярче,—
она
уложит
весь пыл в отношеньица,
в анкетку
и в циркулярчик.
Бумажку
встречать
с отвращением
нужно.
А лишь
увлечешься ею, —
то через день
голова заталмужена
в бумажную ахинею.
Перепишут всё
и, канителью исходя-
щей нитясь,
на доклады
с папками идут:

— Подпишитесь тут!
Да тут вот под-
махнитесь!..
И вот тут, пожалуйста!..
И тут!..
И

тут!..—
Пыл
в чернила уплыл
без следа.

Пред
в бумагу
всосался, как клещ...

Среда —
это
паршивая вещь!!
Глядел,
лицом
белее мела,
сквозь канцелярский мрак.

Катился пот,
перо скрипело,
рука свелась
и вновь корпела, —
но без конца
громадой белой
росла
гора бумаг.

Что угодно
подписью подляпает,
и не разберясь:

куда,
зачем,
кого?

Собственную
тетушку
назначит рим-
ской папою.

Сам себе
подпишет
смертный приго-
вор.

Совести
партийной
слабенькие писки
заглушает
с днями
исходящий груз.

Раскусил чиновник
пафос переписки,
облизнулся,
въелся

и — вошел во вкус.
Где решимость?
планы?
и молоде-

ство?

Собирает канцелярию,
загрибок мыля

ей.

— Разузнать
немедля
имя-отчество!

Как

такому
посылать конверт
с одной фами-

лией??! —

И опять

несется
мелким лайцем:

— Это так-то службу мы несем?!

Написали просто

«прилагается»

и забыли написать

«при сем»! —

В течение дня

страну наводня

потопом

ненужной бумажности,

в машину

живот

уложит —

и вот

на дачу
 стремится в важности.
Пользы от него,
 что молока от чер-
та,
что от пшенной каши —
 золотой руды.
Лишь растут
 подвалами
 отчеты,
вознося
 чернильные пуды.
Рой чиновников
 с недели на́ день
аннулирует
 октябрьский гром и
лом,
и у многих
 даже
 проступают сзади
пуговицы
 дофевральские
 с орлом.
Поэт
 всегда
 и добр и галантен,
делиться выводом рад.
Во-первых:

из каждого
при известном
таланте
может получиться
бюрократ.
Вывод второй
(из фельетонной води-
цы
вытекал не раз
и не сто):
коммунист не птица,
и незачем обзаво-
диться
ему
бумажным хвостом.
Третий:
поднять бы его за загривок
от бумажек,
разостланных низом,
чтоб бумажки,
подписанные
прямо и
криво,
не заслоняли
ему
коммунизм.

ТОВАРИЩУ НЕТТЕ

ПАРОХОДУ И ЧЕЛОВЕКУ

Я не даром вздрогнул.
Не загробный
взор.
В порт,
горящий,
как расплавленное
лето,
разворачивался
и входил
товарищ
«Теодор
Нетте».
Это — он.
Я узнаю его.
В блюдечках-очках спасательных
кругов.
— Здравствуй, Нетте!
Как я рад, что
ты живой
дымной жизнью труб,
канатов
и крюков.
Подойди сюда!
Тебе не мелко?

От Батума,
чай, котлами покипел...
Помнишь, Нетте,—
в бытность чело-
веком
ты пивал чаи
со мною в дип-купе?
Медлил ты.
Захрапывали сони.
Глаз
кося
в печати сургуча,
напролет
болтал о Ромке Якобсоне
и смешно потел,
стихи уча.
Засыпал к утру.
Курок
аж палец свел...
Суньтесея —
кому охота!
Думал ли,
что через год всего
встречусь я
с тобою —
с пароходом.
За кормой луница.
Ну и здóрово!

Залегла,
 просторы на́-двое порвав.
Будто навек
 за собой
 из битвы коридо-
ровой
тянешь след героя,
 светел и кровав.
В коммунизм из книжки
 верят средне.
«Мало ли
 что можно
 в книжке намо-
лоть!»
А такое —
 оживит внезапно «бред-
ни»
и покажет
 коммунизма
 естество и
плоть.
Мы живем,
 зажатые
 железной клят-
вой.
За нее —
 на крест,
 и пулю чешите:

это —
чтобы в мире
без России,
без Лат-
вий,
жить единым
человечьим общежи-
тьем.
В наших жилах —
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие дол-
гие дела.

Мне бы жить и жить,
сквозь годы
мчась.
Но в конце хочу —
других желаний
нету —
встретить я хочу

мой смертный час
так,
как встретил смерть
товарищ Нет-
те.

15 июля, Ялта

УЖАСАЮЩАЯ ФАМИЛЬЯРНОСТЬ

Куда бы
ты
ни направил разбег,
и как ни ёрзай,
и где ногой ни ступи, —
есть Марксов проспект,
и улица Розы,
и Луначарского —
переулок или ту-
пик.
Где я?
В Ялте или в Туле?
Я в Москве
или в Казани?
Разберешься?
— Черта в стуле!
Не езда, а — наказание.
Каждый дюйм
бытия земного
профамилиен
и разыменован.
В голове
от имен
такая каша!

Как общий котел пехотного полка.

Даже пса дворняжку

вместо

«Полкаша»

зовут:

«Собака имени Полкан».

«Крем Коллонтай.

Молодит и холит».

«Гребенки Мейерхольд».

«Мочала

а-ля Качалов».

«Гигиенические подтяжки
имени Семашки».

После этого

гуди во все моторы,

наизобретай идей мешок,

все равно —

про Мейерхольда будут

спрашивать:

— «Кото-

рый?

Это тот, который гребешок?»

Я

к великим

не суюсь в почетнейшие

лики.

Я солдат

в шеренге миллиардной.
Но и я
взываю к вам
от всех великих:
— Милые,
не обращайтесь с нами
фамильярно! —

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИВЫЧКИ

Я
 два месяца
 шатался по природе,
чтоб смотреть цветы
 и звезд огнишки.
Таковых не видел.
 Вся природа вроде
телефонной книжки.
Везде —
 у скал,
 на массивном грузе
Кавказа
 и Крыма скалоликого,
на стенах уборных,
 на небе,
 на пузе
лошади Петра Великого,
от пыли дорожной
 до гор,
 где грозы
гремят,
 грома потрясав,—
везде
 отрывки стихов и прозы,
фамилии
 и адреса.

«Здесь были Соня и Ваня Хайлов.
Семейство ело и отдыхало».

«Коля и Зина
соединили души».

Стрела
и сердце
в виде груши.

«Пролетарии всех стран, соеди-
нитесь!

Комсомолец Петр Парулайтис».

«Мусью Гога,
парикмахер из Таганрога».

На кипарисе,
стоящем века,
весь алфавит:
а б в г д е ж з к.

А у этого
от лазанья
талант иссяк.

Превыше орлиных зон
просто и мило:

«Исак
Лебензон».

Особенно
людей
винить не будем.

Таким нельзя
без фамилий и дат!

Всю жизнь канцелярствовали,
привыкли
люди.
Они
и на скалу
глядят, как на ман-
дат.
Такому,
глядящему
за чаем
с балкона,
как солнце
садится в чаше,
ни восход,
ни закат,
а даже солнце —
входящее
и исходящее.
Эх!
Поставь меня
часок
на место Рыко-
ва,
я б
к весне
декрет железный выко-
вал:
«По фамилиям

на стволах и скалах
узнать
 подписавшихся малых.
Каждому
 в лапки
дать по тряпке.
За спину ведра —
и марш бодро!
Подписавшимся
 и Колям
 и Зинам
собственные имена
 стирать бензи-
ном.
А чтоб энергия
 не пропадала даром,
кстати и Ай-Петри
 почистить скипи-
даром.
А кто
 до того
 к подписям привык,
что снова
 к скале полез,—
у этого
 навсегда
 закрывается лик-
 без».

*Под декретом подпись
и росчерк брос-
кий —*

В л а д и м и р М а я к о в с к и й.
Ялта, Симферополь, Гурзуф, Алу-
пка.

БЕСПРИЗОРЩИНА

Эта тема
еще не избранная.
Смотрите
котлам асфальтовым в
зев!
Еще
копошится
грязь беспризорная —
хулиганья бесконечный резерв.
Сгнули мать
и отец
и брат его
в дни,
что волжский голод про-
рвал.
Бросили их
волгари с-под Саратова,
бросила их
с-под Уфы татарва.
Детей возить
стараемся в мягком.
Усадим их
на плюшевом пуфе.
А этим, усевшимся,
пользуясь мра-
ком,

грудные клетки
ломает буфер.
Мы смотрим
своих детишек
в оба:
ласкаем,
моем,
чистим,
стрижем.

А сбоку
растут болезни и злоба,
и лезвие финки
от крови рыжб.

Школа —
кино америколицее;
дав
контролерше
промежду глаз,

учится
убегать от милиции,
как от полиции
скачет Дуглас.

Таких
потом
не удержишь Мууром —
стоит,
как в море риф.
Сегодня

расти
деловито и хмуро
столбцы
помогающих цифр!
Привыкшие
к щебету ангела-роти-
ка,
слов
беспризорных
продумайте
жуть:
«Отдайте сумку, гражданка-те-
ленька,
а то укушу,
а то заражу».
Меж дум
приходящих,
страну наводня,
на лоб страны,
невзгодами взморщен-
ный,
в порядок года,
месяца,
дня
поставьте лозунг:

—
Б о р ь б а с б е с п р и з о р щ и н о
й.

«МЮД»

Додвадцатилетний люд,
выше знамена вздень:
сегодня

 праздник МЮД,
мира
 юношей
 день.

Нам
 дорога
 указана Лениным,
все другие —
 кривы́ и грязны́.

Будем
 только годами зéлены,
а делами и жизнью
 красны́.

Не сломят
 сердца и умы
тюремщики
 в стенах плоских.

Мы знаем
 застенки румын
и пули
 жандармов польских.

Смотрите,
 какая Москва,

французы,
 немцы,
 голландцы.

И нас чтоб
 пускали к вам,—
но чтоб не просить
 и не кланяться.

Жалуются —
 Октябрь отгудел.
Нэповский день —
 тих.

А нам
 еще много дел —
и маленьких,
 и средних,
 и больших.

А с кем
 такое случилось,
что в семнадцать
 сидит пригорюнив-
ши,
у такого —
 собачья старость.
Он не будет
 и не был юношей.
Старый мир
 из жизни вырос,
развевайте мертвое в дым!

Коммунизм —
это молодость мира,
и его
возводит
молодым.

Плохо,
если
одна рука!
С заводскими парнями
выступай в паре
сегодня
и сын батрака,
деревенский
вихрастый парень!
Додвадцатилетний люд,
красные знамена вздень!
Раструбим
по земле
МЮД,
мальшей
и юношей день.

ДВЕ МОСКВЫ

Когда автобус,
пыль развеяв,
прет
меж часовен восковых,
я вижу ясно:
две их,
их две в Москве —
Москвы.

1

Одна —
это храп ломовий и скрип.
Китайской стены покосившийся
гриб.
Вот так совсем
и в седые века
здесь
ширился мат ломовика.
Вокруг ломовых бубнят наобум,
что это
бумагу везут в Главбум.
А я убежден,
что, удар изловча,
добро везут,
разбив половчан.

Из подмосковных степей и лон
везут половчанок, взятых в по-
лон.

А там,

где слово «Моссельпром»
под молотом

и под серпом,

стоит

и окна глазом ест
вотьяк,

приехавший на съезд,
не слышавший,

как печенег,

о монпансье и ветчине.

А вбок

гармошка с пляскою,
пивные двери лязгают.

Хулиганьё

по кабакам,

как встарь,

друг другу мнут бока.

А ночью тишь,

и в тишине

нет ни гудка,

ни шины нет...

Храпит Москва деревнею,
и в небе

цвета крем

глухой старухой древнею
суровый
старый Кремль.

2

Не надо быть пророком-провид-
цем,
всевидящим оком святейшей тро-
ицы,
чтоб видеть,
как новое в людях роит-
ся,
вторая Москва
вскипает и строится.
Великая стройка
уже начата.
И в небо
лесами идут
там
почтамт,
здесь
Ленинский институт.
Дыры
метровые
потом полить,
чтоб ветра быстрей
под землей поле-

тел,
из-под покоев митрополитов
сюда чтоб

вылез

митрополитен.

Восторженно видеть

рядом и вместе

пыхтенье машин

и пыли пласты.

Как плотники

с небоскреба «Изве-

стий»

плюются

вниз

на Страстной мона-

стырь.

А там,

вместо храма коней от обу-

зы

гремят грузовозы,

пыхтят автобусы.

И кажется:

центр-ядро прорвало

Садовых кольцо

и Коровьих валов.

Отсюда

слышится и мне

шипенье приводных ремней.

Как стих,
крепящий бóлтом
разболтанную прозу,
завод «Серпа и Молота»,
завод «Зари»
и «Розы».

Растет представленьё
о новом городе,
который
деревню погонит на корде.
Качнется,
встанет,
подтянется сонни-
ца,
придется и ей
трактореть и фордзо-
ниться.
Краснеет на шпиге флага тряпи-
ца,
бессонен Кремль,
и стены его
зовут работать
и торопиться,
бросая
со Спасской
гимн боевой.

РАЗГОВОР НА ОДЕССКОМ РЕЙДЕ ДЕСАНТНЫХ СУДОВ: «СОВЕТСКИЙ ДАГЕСТАН» И «КРАСНАЯ АБХАЗИЯ»

*Перья-облака,
закат расканарейте!
Опускайся,
южной ночи гнет!
Пара
пароходов
говорит на рейде:
то один моргнет,
а то
другой моргнет.
Что сигналижат?
Напрягаю я
морщины
лба.
Красный раз...
угаснет,
и зеленый...
Может быть,
любовная мольба.
Может быть,
ревнует разозленный.*

Может, просит:
— «Красная Абхазия»!

Говорит
«Советский Дагестан».

Я устал,
один по морю лазая,
подойди сюда
и рядом стань.—

Но в ответ
коварная
она:

— Как-нибудь
один
живи и грейся.

Я
теперь
по мачты влюблена
в серый «Коминтерн»,
трехтрубный
крейсер. —
— Все вы,
бабы,
трясогузки и кана-
льи...

Что ей крейсер,
дылда и пачкун? —
Поскулил
и снова засигналил:

— Кто-нибудь,
пришлите табачку!..
Скучно здесь,
нехорошо
и мокро.

Здесь
от скуки
отсыреет и броня...—
Дремлет мир,
на Черноморский
округ
синь-слезищу
морем оброня.

ХУЛИГАН

Республика наша в опасности.
В дверь

лезет

немыслимый зверь.

Морда матовым рыком гулка,
лапы —

в кулаках.

Безмозглый,

и две ноги для ляганий,

вот — портрет хулиганий.

Матроска в полоску,

словно лесá.

Из этих лесов

глядят телеса.

Чтоб замаскировать рыло манд-
рилье,

шерсть

аккуратно

сбрил на рыле.

Хлопья пудры

(«Лебяжьего пуха»!),

бабочка-галстук

от уха до уха.

Души не имеется.

(Выдумка бар!)

В груди —

пивной
и водочный пар.
Обутые лодочкой
качает ноги водочкой.
Что ни шаг —
враг.
— Вдрызг фонарь,
враги — фонари.
Мне темно,
так никто не гори.
Враг — дверь,
враг — дом,
враг —
всяк,
живущий трудом.
Враг — читальня.
Враг — клуб.
Глупейте все,
если я глуп! —
Ремень в ручище,
и на нем
повисла гиря кистенем.
Взмахнет,
и гиря вертится,—
а ну —
попробуй встретиться!
По переулочкам — луна.
Идет одна.

Она юна.
— Хорошенькая!
(Зá косу.)
Обкрутимся без загсу! —
Никто не услышит,
напрасно орет
вонючей ладонью зажатый рот.
— Не нас контрапунят —
не наше дело!
Бежим ребята,
чтоб нам не влетело!

—
Луна
в испуге
за тучу пятится
от рваной груды
мяса и платьца.
А в ближней пивной
веселье неисто-
вое.
Парень
пиво глушит
и посвистывает.
Поймали парня.
Парня — в суд.
У защиты
словесный зуд:
— Конечно,

от парня
уйма вреда,
но кто виноват?
— Среда.

В нем
силу сдерживать
нет моготы.

Он — русский.
Он —
богатырь!

— Добрыня Никитич!
Будьте добры,
не трогайте этих Добрынь! —
Бантиком
губки
сложил подсудимый.

Прислушивается
к речи зудимой.

Сидит
смирней и краше,
чем сахарный барашек.
И припаяет судья
(сердобольно)

«4 месяца».

Довольно!

Разве

зверю,

который взбесится,

дают
на поправку
4 месяца?
Деревню — на сход!
Собери
и при ней
словами прожги парней!
Гуди,
и чтоб каждый завод гудел
об этой
последней беде.
А кто
словам не умилился,
тому
агитатор —
шашка милиции.
Решимость
и дисциплина,
пружинь
тело рабочих дружин!
Чтоб, если
возьмешь за воротник,
хулиган раскис и сник.
Когда
у больного
рука гниет —
не надо жалеть ее.
Пора

топором закона
отсечь
гнилые
дела и речь!

ХУЛИГАН

Ливень докладов.

Преете?

Прей!

А под клубом,

гармошкой избóранные,

в клубах табачных

шипит «Левен-

брей»,

в белой пене

прибоем

трехгорное...

Еле в стул вмещается парень.

Один кулак —

четыре кило.

Парень взвинчен.

Парень распарен.

Волос взъерошенный.

Нос лилов.

Мало парню такому доклада.

Парню —

слово душевное нужно.

Парню

силу выхлестнуть надо.

Парню надо...

— новую дюжину!

Парень выходит.

Как в бурю на кате-
ре.
Тесен фарватер.
Тело намокло.
Парнем разосланы
к чертовой мате-
ри
бабы,
деревья,
фонарные стекла.
Смотрит —
кому бы заехать в ухо?
Что башка не придумает дурья?!
Бомба
из безобразий и ухарств,
дурости,
пива
и бескультурья.
Так, сквозь песни о будущем рае,
только солнце спрячется, канув,
тянутся
к центру огней
от окраин
драка,
муть
и ругня хулиганов.
Надо
в упор им —

рабочьи дружины,
надо,
 чтоб их
 судом обломало,
в спорт
 перелить
 мускуля пружин-
ны,—
надо и надо,
 но этого мало...
Суд не скрутит —
 набрать имен
и раструбить
 в молве многогласой,
чтоб на лбу горело клеймо:
«Выродок рабочего класса».
А главное — помнить,
 что наше тело
дышит
 не только тем, что скуша-
но;
надо —
 рабочей культуры дело
делать так,
 чтоб не было скушно.

В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

Пишу про хулиганов,
как будто наня-
тый, —
целую ночь и целый день.
Напишешь,
а люди
снова хулиганят,
все —
кому не лень.

Хулиган
обычный,
что домашний зве-
рик,
ваша не померкнет слава ли
рядом с тем,
что учинил Зевéринг
над рабочей демонстрацией
в Бреслав-
ле?
Весть газетная,
труби погромче!
Ярче,
цифры

из расстрелянного спис-
ка!
Жмите руки,
полицейский президент
и хулиган-по-
громщик,
нападающий
на комсомол
в Новосибир-
ске!

В Чемберлене
тоже
не заметно лени
(будем вежливы
при их
высоком сани),
но не встанет
разве
облик Чемберле-
ний
над погромом,
раздраконенным в
Вансяне?
Пушки загремели,
с канонерок грянув.
Пристань

трупамии полна.
Рядом с этим
40
ленинградских хули-
ганов —
уголовная
бездарная шпана.

А на Маньчжурии,
идущей за линией
сквозь Китай
дороги,
сидит Чжан-Цзо-лин
со своей Чжан Цзо-
линией,
на стол положивши ноги.
Маршал!
А у маршалов
масштабы
крупные,
и какой
ему, скажите,
риск...
Маршал
расшибает
двери клубные,

окна школьные
разносит вдрызг.

Здесьняя
окраинная
рвань и вонь,
на поклон к учителю идите,
пожимай же
чжанцзолинову ладонь,
мелкий
клубный
хулиган-вредитель!

Конечно,
должны войти и паны
в опись этой шпаны.
Десяток банд коренится
в лесах
на польской границе.

Не время ль
кончать
с буржуями спор?
Не время ль
их причесать?
Поставьте
такие дела

на разбор

в 24 часа!

Пора

на очередь

поставить вопрос

о делах

мандаринства и панства.

Рабочие мира,

прекратите рост

международного хулиганства!

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВАНЯ ДЫЛДИН

Подмастерье
Ваня Дылдин
был
собою
очень виден.
Рост
(длинней моих стишков!) —
сажень
без пяти вершков.
Сылища!
За ножку взяв,
поднял
раз
железный шкаф.
Только
зря у парня сила:
глупый парень
да бузила.



Выйдет,
выпив всю пивную,—
переулок
врассыпную!

Псы
и кошки
скачут прытки,
скачут люди за калитки.
Ходит
весел и вихраст,
что ни слово —
«в морду хряст».
Не сказать о нем двояко.
Общий толк один:
— Вояка!

Шла дорога милого
через Драгомислово.
На стене —
бумажный лист.
Огорчился скандалист.
Клок бумаги,
а на ней
велено:
— Призвать парней! —
«Меж штыков острых
Наш Союз —

остров.
Чтоб сломить
врагов окружие,
надобно
владеть оружием.
Каждому,
как клюква, ясно:
нечего баклуши бить,
надо в нашей,
надо в Красной,
надо в армии служить».
С огорченья —
парень скис.
Ноги врозь,
и морда вниз.

Парень думал:
— Как пойду, мол? —
Пил,
сопел
и снова думал,
подложив под щеку руку.
Наконец
удумал штуку.
С постной миной
резвой рысью
мчится

Дылдин

на комиссию.

Говорит,

учтиво стоя:

«Убежденьями —

Толстой я.



Мне война —

что нож козлу.

Я —

непротивленец злу.

По слабости

по свойской

я

кровь

не в силах вынести.

Прошу

меня

от воинской

освободить повинности».

будь рад
стать
красноармейцам в ряд.

МЕЧТА ПОЭТА

Поэзия
любит
в мистику облекать-
ся,
говорить
о вещах
едва касаемо.

Я ж
открыто
агитирую
за покупку обли-
гаций
государственного
выигрышного зай-
ма.

Обсудим трезво,
выгодно ль это?
Предположим,
выиграл я:
во всех журналах —
мои портреты.

Я
и моя семья.
Это ж не шутки —
стать
знаменитостью

в какие-то сут-
ки.
Широкая известность
на много лет.
За что?
Всего —
за четвертной би-
лет.
Всей облигации
цена сторублевка,
но до чего ж
Наркомфин
придумал лов-
ко!
Нету ста —
не скули
и не ной,
четверть облигации бери
за четверт-
ной.
Четвертной не сбережете —
карманы
жжет.
Кто
без облигации
четвертной сбере-
жет?
Приходится считать

восторженно и
пылко,
что облигация
каждому —
лучшая ко-
пилка.

И так
в копилку
хитро положено,
что проиграть нельзя,
а выиграть —

можно.
Разве
сравнишь
с игрою с такой
продувную железку
с бандитской ру-
леткой!

А не выиграю —
тоже не впаду в
раж,
через 3 месяца —
новый тираж.

А выигрышей!
Не вычерпаеть —
хоть ведра-
ми лей.

Больше
30 000 000 рублей!
Сто тысяч выиграю
(верю счастью!) —
и марш
в банк
за свою частью.

И мне
отслюнявливают
с правого кон-
чика
две с половиной тысячи
червончиков.

Сейчас же,
почти не отходя от кас-
сы,
вещей приобретаю
груды и массы!
Тут же покупается
(нужно или не нуж-
но)
шуба
и меховых воротничков
дюжина.

Сапог понакуплю —
невиданный сон!
На любой размер
и любой фасон!

За покупками
по Москве по всей
разъезжусь,
весь день
не вылазя из
таксей.
Оборудую
мастерскую
высокого каче-
ства
для производства
самого лучшего
стихачества.
Жилплощадь куплю
и заживу на ней
один!
на все на двадцать сажений!
И вдруг
звонок:
приходит некто.
— Пожалте бриться,
я — фининспек-
тор! —
А я
ему:
— Простите, гражданин-
чик,
прошу

со мной
выражаться иначе.
Уйдите,
свои портфели забрав,
выигрыш
облагать
не имеете прав! —
И выиграй
я
хотя с миллион,
от меня
фининспектор
уйдет посрам-
лен.
Выигрыш —
другим делам
не чета.
Вот это
поэты
и называют:
мечта!
Словом,
в мистику
нечего облекаться.
Это —
каждого
вплотную касаемо.
Пойдем

и просто
купим облигации
государственного
выигрышного зай-
ма.

ПРАЗДНИК УРОЖАЯ

Раньше
 праздновался
 разный Кирилл
да Мефодий.
Питье,
 фонарное освещение рыл
и прочее в этом роде.
И сейчас еще
 село
самогоном весело.
На Союзе
 великане
тень фигуры хулиганьей.
Но мы
 по дням и по ночам
работаем,
 тьме угрожая.
Одно
 из наших больших начал —
«Праздник урожая».
Праздников много,—
 но отродясь
ни в России,
 ни около
не было,
 чтоб люди

трубили, гордясь,
что рожь уродилась
и свекла.

Республика
многим бельмо в глазу,
и многим
охота сломать ее.

Нас
штык
от врагов
защищает в грозу,
а в мирный день —
дипломатия.

Но нет у нас
довода
более веского,
чем амбар,
ломающийся от хлебных
груд.

Нету
дела
почетней деревенского,
почетнее,
чем крестьянский труд.
Каждый корабль пшеничных зерен
—
это
слеза у буржуев во взоре.

Каждый лишний вагон репы —
это

смычке новые скрепы.

Взрастишь кукурузу в засушливой
зоне —

и можешь

мечтать о новом фордзо-

не.

Чем больше будет хлебов ржа-
ных,

тем больше ситцев у моей жены.

Еще завелась племенная свинья,
и в школу

рубль покатился, звеня.

На литр увеличь молоко коров,
и новый ребенок в Союзе здоров.

Чем наливней

и полнее колос,

тем громче

будет

советский голос.

Крепись этот праздник

из года в год,

выставляй

— похвалиться рад —

лучшую рожь,

лучший скот

и радужнейший виноград.

Лейся

по селам

из области в область

слов

горящая лава:

урожай — сила,

урожай — доблесть,

урожай увеличившим

слава»!

МОИ ПРОГУЛКИ СКВОЗЬ УЛИЦЫ И ПЕРЕУЛКИ

*На Четвертых Лихоборах
непорядков —*

целый ворох.

Что рабочий?!

Даже люди

очень крупного ума

меж домами,

в общей груди,

не найдут

свои дома.

Нету места странней:

тут и нечет

и чет

по одной стороне

в беспорядке течет.

Замечательный случай,

единственный

в мире:

№ 15,

а рядом —

4!

Почтальон,

хотя и смётлив,

верст по десять мечет петли.
Не встретишь бóльших комиков,
хоть год скитайся по́ миру.

Стоят

три разных домика,
и все —

под пятым номером...

Пришел почтальон,

принес перевод...

Каждый —

червонцы

лапкою рвет:

— Это я, мол,

пятый номер,

здесь

таких

и нету кроме.—

Но зато

должника

не разыщешь

никак.

Разносящему повестки

перемолвить слово не с кем,

лишь мычат,

тоской объяты:

— Это

следующий — пятый!

Обойдите этажи —

нет
таких
под этот номер.

Если
здесь
такой и жил,
то теперь
помер.—

Почтальоны
сутки битые
летят.

Пот течет водой.
На работу
выйдут бритые,
а вернутся —
с бородой.

После этих
запутанных мест
прошу побывать
под вывеской
КРАСНЫЙ

КРЕСТ
(Софийка, 5).

Из 30 сотрудников —
15 ответственные;
таким
не очень трудненько,
дела

не очень бедственные.
Без шума
и давки
получают
спецставки.
Что за ставочка!
В ей —
чуть не двадцать червей!
Однажды,
в связи
с режимом эконо-
мии,
у них
вытягиваются физиономии.
Недолго завыв морщатся,
зовут
к себе
уборщицу.
Зампомова рука
тычет ей
вместо сорока
20 рублей.
Другая рука,
по-хозяйски резвая,
уже
курьеру
ставку урезывает.
Клуб ответственных

не глуп —

устроился

не плохо,

сэкономил

с лишним рупь

на рабочих крохах.

По-моему,

результаты

несколько

слабы.

С этими

с экономиями самыми —

я бы

к некоей бабушке послал бы
подобных помов с замами.

Подсказывает

практический ум:

с этого

больше

сэкономить сумм.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРОГУЛОК ИЗ УЛИЦЫ В ПЕРЕУЛОК

Стой, товарищ!
Ко всем к вам
доходит
«Рабочая Москва».
Знает
каждый,
читающий газету:
нет чугуна,
железа нету!
Суются тресты,
суются главки
в каждое место,
во все лавки.
А на Генеральной,
у Проводниковского
дома —
тысяча пудов
разного лома.
Надорветесь враз-то —
пуды повзвесьте!
Тысяч полтора ста,
а то
и двести.
Зёмли

слухами полны́:
Гамбург —
 фабрика луны.
Из нашего количества
 железа и чугуна
в Гамбурге
 вышла б
 вторая луна.
Были б
 тысячи в кармане,
лом
 не шлепал по ногам бы.
Да, это
 не Германия!
Москва,
 а не Гамбург!
Лом
 у нас
 лежит, как бросят,—
благо,
 хлеба
 лом не просит.
Если б
 я
 начальством был,
думаю,
 что поделом
я бы

кой-какие лбы
бросил бы
в чугунный лом.

Теперь
перейду
к научной теме я.

Эта тема —
Сельхозакадемия,
не просто,
а имени

Тимирязева.

Ясно —
сверху
снег да ливни,

ясно —
снизу грязь вам...

А в грязи
на аршин —

масса
разных машин.

Общий плач:
полежим,

РКИ подождем.

Разве ж
в этом режим,
чтоб ржавеет под дождем?
Для машины

дай навес —

мы

не яблоки моченые...

Что

у вас

в голове-с,

господа ученые?

Что дурню позволено —

от этого

срам

ученым малым

и профессорам.

Ну и публика!

Пожалела рублика...

Что навес?

Дешевле лука.

Сократили б техноруков,

посократили б должности —

и стройся

без задолженности!

Возвели б сарай —

не сарай,

а рай.

Ясно —

каждый

скажет так:

— Ну и ну!

Дурак-то!

*Сэкономивши пятак,
проэкономил трактор.*

ИСКУССТВЕННЫЕ ЛЮДИ

Этими —
и добрыми,
и кобры лютей —
Союз
до краев загружён.
Кто делает
этих
искусственных лю-
дей?
Какой нагруженный Гужон?
Чтоб долго
не размусоливать этой
темы
(ни зол,
ни рад),
объективно
опишу человека —
системы
«бюрократ».
Сверху — лысина,
пятки — низом, —
организм, как организм.
Но внутри
вместо голоса —
аппарат для
рожений

некоторых выражений.
Разлад в предприятии —
грохочет

адам,
буза и крик.

А этот, как сова,
два словца изрыгает:

— Н а д о
с о г л а с о в а т ь! —

Учрежденья объаты ленью.
Заменили дело канителью длин-
ною.

А этот

отвечает

любому заявлению:
— Н и ч е г о,

в ы р а в н и в а е м л и н и ю. —
Надо геройство,

надо умение,
чтоб выплыть

из канцелярщины вяз-
кой.

а этот

жмет плечьми в недоуме-
нии:

— Н е у в я з к а! —

Из зава трестом

прямо в воры́
лезет
 пройдоха и выжига,
а этот
 изрекает
 со спокойствием рыб:
— П р о д в и ж к а! —
Разлазится все,
 аппарат — вразброд,
а этот,
 кура и позевывая,
с достоинством
 мямлит
 во весь свой
рот:
— И с п о л ь з ó в ы в а е м.—
Тут надо
 видеть
 вражьи войска,
надо
 руководить прицелом, —
а этот
 про все
 твердит свысока:
— В о б щ е м и ц е л о м.—

Тут не приходится в кулак сви-

стеть, —
как пишется
в стенгазетных ли-
стах:
«Уничтожим это,—
если не везде,
то во всех местах».

**ПИСЬМО ПИСАТЕЛЯ
ВЛАДИМИРА
ВЛАДИМИРОВИЧА
МАЯКОВСКОГО ПИСАТЕЛЮ
АЛЕКСЕЮ МАКСИМОВИЧУ
ГОРЬКОМУ**

*Алексей Максимович,
как помню,
между
нами
что-то вышло
вроде драки
или ссоры.
Я ушел,
блестя
потертыми штана-
ми;
взяли Вас
международные рессоры.
Нынче —
иначе.
Сед височный блеск,
и взоры озарён-
ней.*

Я не лезу
ни с моралью,
ни в спасате-
ли,
без иронии,
как писатель
говорю с писателем.
Очень жалко мне, товарищ Горь-
кий,
что не видно
Вас
на стройке наших
дней.
Думаете —
с Капри,
с горки
Вам видней?
Вы
и Луначарский —
похвалы поваль-
ные,
добряки,
а пишущий
бесстыж —
тычет
целый день
свои
похвальные

листья.
Что годится,
чем гордиться?
Продают «Цемент»

со всех лотков.

Вы
такую книгу, что ли, цените?
Нет нигде цемента,
а Гладков

написал
благодарственный молебен
о цементе.

Затыкаешь ноздри,
нос наморщишь

и идешь
верстой болотца длиннень-
кого.

Кстати,
говорят,
что Вы открыли мо-
щи
этого...

Калинникова.

Мало знать
чистописания ремёсла,
расписать закат
или цветенье редьки.

Вот

когда
к ребру душа примерзла,
ты
ее попробуй отогреть-ка!
Жизнь стиха —
тоже тиха.
Что горенья?
Даже
нет и тленья
в их стихе
холодном
и лядящем.
Все
входящие
срифмуют впечатле-
ния
и печатают
в журнале
в исходящем.
А рядом
молотобойцев
анапестам
учит
профессор Шенгэли.
Тут
не поймете просто-напросто,
в гимназии вы,
в шинке ли?

Алексей Максимович,
у вас
в Италии

Вы
когда-нибудь
подобное
видали?

Приспособленность
и ласковость дво-
ровой,
деятельность
блюдо-рубле- и тому по-
добных «лиз»
называют многие
— «здоровый
реализм». —

И мы реалисты,
но не на подножном
корму,
не с мордой, упершейся
вниз, —
мы в новом,
грядущем быту,
помножен-
ном
на электричество
и коммунизм.

Одни мы,

как ни хвалите халтуры,
но, годы на спины грузя,
тащим
 историю литературы —
лишь мы
 и наши друзья.
Мы не ласкаем
 ни глаза,
 ни слуха.
Мы —
 это Леф,
 без истерики —
по чертежам
 деловито
 и сухо
строим
 завтрашний мир.
Друзья —
 поэты рабочего класса.
Их знание
 невеликó,
но врезал
 инстинкт
 в оркестр разно-
гласий
буквы
 грядущих веков.
Горько

думать им
о Горьком-эмигран-
те.
Оправдайтесь,
гряньте!
Я знаю —
Вас ценит
и власть
и партия,
Вам дали б всё —
от любви
до квартир.
Прозаики
сели
перед Вами
на парте б:
— Учи!
Верти! —
Или жить Вам,
как живет Шалапин,
раздушенными аплодисментами
оляпан?
Вернись
теперь
такой артист
назад
на русские рублики —
я первый крикну:

— Обратно катись,
народный артист Республики! —
Алексей Максимыч,
из-за ваших сте-

кол

виден

Вам

еще

парящий сокол?

Или

с Вами

начали дружить

по саду

ползущие ужи?

Говорили

(объяснения ходкие!),

будто

Вы

не едете из-за чахотки.

И Вы

в Европе,

где каждый из граж-

дан

смердит покоем,

жратвой,

валютцей!

Не чище ль

наш воздух,

разреженный
дважды
грозою
двух революций!
Бросить Республику
с думами,
с бунта-
ми,
лысинку
южной зарей озарив, —
разве не лучше,
как Феликс Эдмундо-
вич,
сердце
отдать
временам на разрыв.
Здесь
дела по горло,
рукав по локти,
знамена неба
аль,
и соколы —
сталь в моторном клё-
коте —
глядят,
чтоб не лезли орлы.
Делами,
кровью,

строкою вот этою,
нигде
не бывшею в найме, —
я славлю
взвитое красной ракетною
Октябрьское,
руганное
и пропетое,
пробитое пулями знамя!

растут
на Лиге наций;
дважды два
по книгам — четыре,
четырежды четыре —
кругом шестна-
дцать.
Устав,
отходят ко сну культпро-
светчики
и видят
сквозь музыку храпа мер-
ненького:
Россия,
затеплив
огарок свечки,
читает
взасос
политграмоту Берд-
никова.
Сидит,
читает,
делает выписки
до блеска
зари
на лысине шара.
А сбоку
пишет с него Либединский,

стихи
с него
сочиняет Жаров.
Иди и гляди —
не жизнь,
а лилия.
Идиллия.

А пока
докладчики преют,
народ почему-то
прет к Левенбрею.
Еле в стул вмещается парень,
один кулак —
четыре кило.
Парень взвинчен.
Парень распарен.
Волос штопором.
Нос лилов.
Мозг его
чист от мыслей сора.
Жить бы
ему
не в Москве,
а на Темзе.
Парень,
возможно,

стал бы боксером,
нос бы расшиб
Карпантье и Демпси.

Что
для него
докладчиков сонм?

Тоже
сласть
в наркомпросной доле!

Что он,
Маркс
или Эдисон?

Ему
телефоны выдумывать,
что ли?

Мат,
а не лекции
соки корней его.

Он
не обучен
драться планоно.

Спорт —
по башке бутылкой Корне-
ева,

доклад —
этажом обложить у Гор-
шанова.

Парень выходит,

как в бурю на кате-
ре.
Тесен фарватер.
Тело намокло.
Парнем разосланы
к чертовой мате-
ри
бабы,
деревья,
фонарные стекла.
В полтротуара болтаются клё-
ши,
рубашка-апаиш
и кепка домиком.
Кулак
волосатей, чем лучшая ло-
шадь,
и морда —
на зависть циркачьим
комикам.
Лозунг дня —
вселенной в ухо! —
Все, что знает башка его дурья!
Бомба
из матершины и ухарств,
пива,
глупости
и бескультурья.

Надо помнить,
что наше тело
дышит
не только тем, что скуша-
но,—
надо
рабочей культуры дело
делать так,
чтоб не было скушно.

ДОЛГ УКРАИНЕ

Знаете ли вы
украинскую ночь?
Нет,
вы не знаете украинской ночи!
Здесь
небо
от дыма
становится черно,
и герб
звездой пятиконечной вто-
чен.
Где горилкой,
удалью
и кровью
Запорожская
бурлила Сечь,
проводов уздой
смирив Днепровье,
Днепр
заставят
на турбины течь.
И Днипро́
по проволокам-усам
электричеством
течет по корпусам.
Небось, рафинада

—
Бульбы
и известного Шевченка, —
ничего не выжмешь,
сколько ни ста-
райся.
А если прижмут —
зардеется розой
и выдвинет
аргумент новый:
возьмет и расскажет
пару курьезов —
анекдотов
украинской мовы.
Говорю себе:
товарищ москаль,
на Украину
шуток не скаль.
Разучите
эту мову
на знаменах —
лексико-
нах алых, —
эта мова
величава и проста:
«Чуешь, сурмы заграли,
час расплаты настав...»
Разве может быть

затрепанной
да тише

слова
поистасканного
«Слышишь»?!

Я
немало слов придумал вам,
взвешивая их,
одно хочу лишь,—
чтобы стали
всех
моих
стихов слова
полновесными,
как слово «чуешь».

Трудно
людей
в одно истолочь,
собой
кичись не очень.
Знаем ли мы украинскую ночь?
Нет,
мы не знаем украинской ночи.

ОКТАБРЬ

1917–1926

Если
стих
сердечный раж,
если
в сердце
задор смолк,
голосами его будоражъ
комсомольцев
и комсомолок.
Дней шоферы
и кучера
гонят
пулей
время свое,
а как будто
лишь вчера
были
бури
этих боев.
В шинелях,
в поддевках идут...
Весть:
«Победа!»
За Смольный порог.

Там Ильич и речь,
а тут
пулеметный говорок.

Мир
другими людьми оброс;
пионеры
лет десяти
задают про Октябрь вопрос,
как про дело
глубоких седин.

Вырастает
времени мол,
день — волна,
не в силах противить-
ся;

в смоль-усы
оброс комсомол,
из юнцов
перерос в партийцев.

И партийцы
в годах борьбы
против всех
буржуазных лис
натрудили
себе

горбы,
многий
стал

и взросл
и лыс.

А у стен,
с Кремля под уклон,
спят вожди
от трудов,
от ран.

Лишь колышет
камни
поклон

ото ста
подневольных стран.

На стене
пропылен
и нем
календарь, как календарь,
но в сегодняшнем
красном дне
воскресает
годов легодарь.

Будет знамя,
а не хоругвь,
будут
пули свистеть над ним,
и «Вставай, проклятьем...»
в хору

будет бой
и марш,

а не гимн.
Век промчится
в седой бороде,
но и десять
пройдет хотя б,
мы
не можем
не молодеть,
выходя
на праздник — Октябрь.
Чтоб не стих
сердечный раж,
не дряхлел,
не стыл
и не смолк,
голосами
его
будоражь
комсомольцев
и комсомолок.

НЕ ЮБИЛЕЙТЕ!

Мне б хотелось
про Октябрь сказать,
не в колокол на-
званивая,
не словами,
украшающими
тепленький
уют,—
дать бы
революции
такие же назва-
ния,
как любимым
в первый день дают!
Но разве
уместно
слово такое?
Но разве
настали
дни для покоя?
Кто галоши приобрел,
кто зонтик;
радуется обыватель:
«Небо голубо...»
Нет,
в такую ерунду

не рассказёньте
боевую
революцию — любовь.

В сотне улиц
сегодня
на вас,
на меня
упадут огнем знаменá.
Будут глотки греметь,
за кордоны ка-
тя
огневые слова про Октябрь.

Белой гвардии
для меня
белей
имя мертвое: юбилей.
Юбилей — это пепел,
песок и дым;
юбилей —
это радость седым;
юбилей —
это край
кладбищенских
ям;

это речи
и фимиам;
остановка предсмертная,
вздохи,
елей —

вот что лезет
из букв
«ю-б-и-л-е-й».

А для нас
юбилей —
ремонт в пути,
постоял —
и дальше гуди.

Остановка для вас,
для вас
юбилей —

а для нас
подсчет рублей.
Сбереженный рубль —
сбереженный

заряд,
поражающий вражеский ряд.
Остановка для вас,
для вас
юбилей —

а для нас —
это сплавы лей.

Разобьет

врага
электрический ход
лучше пушек
и лучше пехот.

Юбилей!
А для нас —
подсчет работ,
перемеренный литрами пот.
Знаем:

в графиках
довоенных норм
коммунизма одежда и корм.
Не горюй, товарищ,
что бой измель-
чал:

— Глаз на мелочь! —
приказ Ильича.

Надо
в каждой пылинке
будить уметь
большевистского пафоса медь.

Зорче глаз крестьянина и рабоче-
го,
и минуту
не будь рассеянной!
Будет:

под ногами
заколеблется почва
почище японских землетрясений.
Молчит
перед боем,
топки глуша,
Англия бастующих шахт.
Пусть
китайский язык
мудрен и велик
—
знает каждый и так,
что Кантон
тот же бой ведет,
что в Октябрь вели
наш
рязанский
Иван да Антон.
И в сердце Союза
война.
И даже
киты батарей
и полки.
Воры
с дураками
засели в блиндажи
растрат
и волокит.

И каждая вывеска:
— рабкооп —
коммунизма тяжёлый окоп.
Война в отчетах,
в газетных листах

—
рассчитывай,
режь и крои.
Не наша ли кровь
продолжает хлестать

из красных чернил РКИ?!
И как ни тушили огонь —
нас трое!

Мы
трое
охапки в огонь кидаем:
растет революция
в огнях Волхов-
строя,
в молчании Лондона,
в пулях Китая.

Нам
девятый Октябрь —
не покой,
не при-
чал.

Сквозь десятки таких девяти

*мозг живой,
живая мысль Ильича,
нас
к последней победе веди!*

СТОЯЩИМ НА ПОСТУ

Жандармы вселенной,
вылоснив лица,
стоят над рабочим:
— Эй,
не бастуй! —

А здесь
трудящихся щит —
милиция
стоит
на своем
бессменном посту.

Пока
за нашим
октябрьским гулом
и в странах
в других
не грянет та-

кой,—
стой,
береги своим караулом
копейку рабочую,
дом и покой.

Пока
Волховстроев яркая речь
не победит
темноту нищеты,

нутро республики
вам беречь —
рабочих
домов и людей
щиты.
Храня республику,
от людей до иго-
лок,
без устали стой
и без лени,
пока не исчезнут
богатство и голод
—
поставщики преступлений.
Враг — хитёр!
Смотрите в оба!
Его не сломишь,
если сам лоботряс.
Помни, товарищ, —
нужна учеба
всем,
защищающим рабочий
класс!
Голой рукой
не взять врага нам,
на каждом участке
преследуй их.
Знай, товарищ,

и стрельбу из нагана,
и книгу Ленина,
и наш стих.

Слаба дисциплина — петлю накин-
нут.

Бандит и белый
живут в ладах.

Товарищ,
тверже крепи дисципли-
ну
в милиционерских рядах!

Иной
хулигану
так
даже рад,—

выйдет
этакий
драчун и голосило:

— Ничего, мол,
выпимши —
свой брат

—
богатырская
русская сила.—

А ты качнешься
(от пива частого),

у целой улицы нос заалел:

— Ежели,

мол,
безобразит началь-
ство,
то нам,
разумеется,
и бог велел! —
Сорвут работу
глупым ляганьем
пивного чада
бузящие чады.
Лозунг твой:
— **Хулиганам**
нет пощады! —
Иной рассуждает,
морща лоб:
— Что цапать
маленьких ворюшек?
Ловить вора,
да такого,
чтоб
об нем
говорили в Париже! —
Если выудят
миллион
из кассы скря-
жьей,
новый
с рабочих

сдерет задарма.
На мелочь глаз!
На мелкие кражи,
потрошащие
тощий
рабочий карман!
В нашей республике
свет не равен:
чем дальше от центра —
тем глубже
ночи.
Милиционер,
в темноту окраин
глаз вонзай
острей и зорче!
Пока
за нашим
октябрьским гулом
и в странах других
не пройдет та-
кой —
стой,
береги своим караулом
копейки,
людей,
дома
и покой.

О ТОМ, КАК НЕКОТОРЫЕ ВТИРАЮТ ОЧКИ ТОВАРИЩАМ, ИМЕЮЩИМ ЦИКОВСКИЕ ЗНАЧКИ

1

Двое.

В петлицах краснеют флажки.

*К дверям учрежденья направля-
ют*

шаж-

ки...

Душой — херувим,

ангел с лица,

дверь

перед ними

открыл швейцар.

*Не сняв улыбки с прелестного ро-
тика,*

ботики снял

и пылинки с ботишков.

Дескать:

— Любой идет пускай:

ни имя не спросим,

ни пропуска! —
И рот не успели открыть,
а справа
принес секретарь
полдюжины спра-
вок.
И рта закрыть не успели,
а слева
несет резолюцию
какая-то дева...
Очередь?
Где?
Какая очередь?
Очередь —
воробьиного носа коро-
че.
Ни чином своим не гордись,
ни окла-
дом —
принял
обоих
зав
без доклада...
Идут обратно —
весь аппарат,
как брат
любимому брату, рад...
И даже

А тоже — шляет-
ся!.. —
С черного хода
дверь узка.
Орет какой-то:
— Предъявь пропуска!
—
А очередь!
Мерь километром.
Куда!
Раз шесть
окружила дом,
как удав.
Секретарь,
величественней Сухаре-
вой башни,
вдали
телефонит знакомой ба-
рышне...
Вчерашняя дева
в ответ на вопрос
сидит
и пудрит
веснушчатый нос...
У завовской двери
драконом-гадом
некто шипит:
— Нельзя без доклада!

—
Двое сидят,
 ковыряют в носу...
И только
 уже в четвертом часу
закрыли дверь
 и орут из-за дверок:
— Приходите
 после дождика в чет-
верг! —
У кошки —
 и то тигрячий вид:
когти
 вцарапать в глаза норовит...
В раздумье
 оба
 обратно катятся:
— За день всего —
 и так обюроткра-
титься?! —
А в щель
 гардероб
 вдогонку брошен:
на двух человек
 полторы галоши.

Нету места сомнениям шатким.

НАШ ПАРОВОЗ, СТРЕЛОЙ ЛЕТИ...

С белым букетом
из дымных роз
бежит паровоз,
летит паровоз...
За паровозом —
толпой вагончик.
Начни считать —
и брось, не кончив!
Вагоны красные,
как раки сваренные,
и все грузённые,
и все товарные...
Приветно машет
вослед рука:
— Должно, пшеница,
должно, мука! —
Не сходит радость
со встречных рож:
— Должно, пшеница,
должно быть,
рожь! —
К вокзалу главному
за пудом пуд
в сохранной целости

привез марш-
рут...
Два человечика,
топыря пузо,
с одной квитанцией
пришли за грузом:
— Подать три тысячи четыре
места:
«Отчет
Урало-металло-треста!» —
С усердьем тратя
избыток сѣлищи,
за носильщиком
потел носильщик...
Несут гроссбух,
приличный том,
весом
почти
в двухэтажный дом.
Потом притащили,
как — неведомо,
в два километра! —
степь, а не ведомость!
Кипы
обиты в железные планки:
это расписки,

анкеты, бланки...

Четверо

гнулись

от ящика следующе-

го,

таща

фотографии

с их заведующего.

В дальнейшем

было

не менее труд-

ненько:

профили,

фасы

ответсотрудников.

И тут же

в трехтонки

сыпались прямо

за диаграммой диаграмма.

Глядя на это,

один ротозей

высказал мысль

не особенно личную:

— Должно,

с Ленинграда

картинный

музей

везут

заодно
с библиотекой Публич-
ною.—
Пыхтит вокзал,
как самовар на кухне:
— Эй, отчетность, гроссбухнем!
Волокитушка сама пойдет!
Попишем,
подпишем,
гроссбухнем! —

Свезли,
сложили.
Готово.
Есть!

Блиндаж
надежней любого щита.
Такое
никогда
никому не прочесть,
никому
никогда не просчитать.
Предлагаю:
— не вижу выхода иного
—
сменить паровоз
на мощный и новый

и писаное и пишущих
по тундре и по
лесу
послать поближе
к Северному полю-

су...
Пускай на досуге,
без спешки и лени,
арифметике
по отчетам
учат тюленей!

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ И ПОДАРКИ

*Лучше
мысль о елках
навсегда оставь.
Елки пусть растут
за линией застав.
Купишь елку,
так и то
не ту, которая
красива,
а оставшуюся
после вычески лесных
массивов.
Что за радость?
Гадость!
Почему я с елками пристал?
Мой ответ
недолг:
ничего
из-за сомнительного рожде-
ства Христа
миллионы истреблять
рожденных
елок.
Формулирую, все вопросы разбив*

*(отцепись, сомненья клещ!):
Христос — миф,
а елка —
вещь.*

*А чтоб зря
рождество не пропадало
—
для каждого
подумал про подарок.*

1. АНГЛИИ

*Хочу,
чтоб в одну
коммунистическую
руку
сложили
рабочих
разрозненные руки.
Рабочим —
миллионы стойких Ку-
ков,
буржуям —
один хороший кукиш.*

2. КИТАЮ

От сердца от всего,

от самого дбнца,
хочу,
чтоб взвился
флаг-малина.
Чтоб получить
свободными
14 кантон-
цев
и, кстати,
одного
арестованного
Чжан Цзо-лина.

3. ДВУМ МИНИСТРАМ

Куски закусок,
вина и пена.
Ешь весело!
Закусывай рьяно! —
Пока
Бриан
не сожрет Чемберлена,
а Чемберлен
сожрет Бриана.

4. СССР

Каждой республике —

строя,
 втрое дешевле,
 мощные втрое.

Чтоб каждой реки
 любая вода
 миллионы вольт
 несла в провода.

Чтоб новую волю
 время вложило
 в жилы железа
 и наши жилы.

Пусть
 хоть лампой будет пробита
 толща
 нашего
 грязного быта.

5. БУРЖУЮ

(Разумеется) — ствол.
 Из ствола — кол.
 Попробуй, мол,
 кто крепче и дольше проживет —
 кол
 или живот.

НАШЕ НОВОГОДИЕ

«Новый год!»

Для других это просто:
о стакан

стаканом бряк!

А для нас

новогодие —

подступ

к празднованию

Октября.

Мы

лета

исчисляем снова —

не христовый считаем род.

Мы

не знаем «двадцать седьмого»,

мы

десятый приветствуем год.

Наших дней

значенью

и смыслу

подвести итоги пора.

Серых дней

обыдённые числа,

на десятый

стройтесь

парад!

Скоро
 всем
 нам
 счет предъявят:
дни свои
 ерундой не мельча,
кто
 и как
 в обыдённой яви
воплотил
 слова Ильича?
Что в селе?
 Навоз
 и скрипучий воз?
Свод небесный
 коркою вычерствел?
Есть ли там
 уже
 миллионы звезд,
расцветающие в электричестве?
Не купая
 в прошедшем взора,
не питаясь
 зрелищем древним,
кто и нынче
 послал ревизоров
по советским
 Марьям Андревнам?

Нам
коммуна
не словом крепка́ и любá
(сдашь без хлеба,
как ни крепися!).
У крестьян
уже
готовы хлебá
всем,
кто переписью переписан?
Дайте крепкий стих
годочков этак на́
сто,
чтоб не таял стих,
как дым клубимый,
чтоб стихом таким
звенеть
и хвастать
перед временем,
перед республикой,
перед
любимой.
Пусть гремят
барабаны поступи
от земли
к голубому своду.
Занимайте дни эти —
подступы

к нашему десятому году!
Парад
 из края в край растянем.
Все,
 в любой работе
 и чине,
рабочие и драмщики,
 стихачи и кре-
стьяне,
готовьтесь
 к десятой годовщине!
Всё, что красит
 и радует,
 всё —
и слова,
 и восторг,
 и погоду —
всё
 к десятому припасем,
к наступающему году.

Комментарии

Краснодар. Впервые напечатано в журнале «Красная нива», М., 1926, № 24, 13 июня, под заглавием «Собачья глушь».

Написано в связи с поездкой в Краснодар 12–15 февраля 1926 года.

Строго воспрещается. Впервые — газ. «Известия Одесского окружкома КП(б)У, окрисполкома и ОПБ», вечерний выпуск, Одесса, 1926, 24 июня. Под стихотворением авторская дата: «Одесса, 23.VI.26», но написано оно было раньше, так как в конце февраля 1926 года уже было сдано в газету «Заря Востока», а напечатано там не было.

В статье «А что вы пишете?» (1926) Маяковский так разъяснял замысел стихотворения:

«Настоящая поэзия всегда, хоть на час, а должна опередить жизнь. Я стараюсь сейчас писать как можно меньше, выбирая сложные, висящие в воздухе вопросы, — чиновничество, бюрократизм, скука, официальщина.

Этот ряд стихов я начал с маленького «Строго воспрещается»... Это стих о вывеске

краснодарского вокзала: «Задавать вопросы контролеру строго воспрещается».

Стремясь придать стихотворению обобщенный смысл, не связанный с конкретным фактом, автор в первой публикации не только изменил место, где он произошел («Одесса, 23.VI.26»), но и снял строфу, содержащую такого рода реалий (см. текст: «Руку само подымает перо... В рай готов расписать перрон Краснодар»).

Сергею Есенину. Впервые — газ. «Заря Востока», Тифлис, 1926, 16 апреля. Одновременно вышло отдельным изданием в изд-ве «Заккнига» (Тифлис), куда рукопись была сдана 25 марта 1926 года.

Об истории создания стихотворения Маяковский подробно рассказал в статье «Как делать стихи?» (1926):

«Наиболее действенным из последних моих стихов я считаю — «Сергею Есенину».

Для него не пришлось искать ни журнала, ни издателя, — его переписывали до печати, его тайком вытащили из набора и напечатали в провинциальной газете, чтения его тре-

бует сама аудитория, во время чтения слышны летающие мухи, после чтения люди жмут лапы, в кулуарах бесятся и восхваляют, в день выхода появилась рецензия, состоящая одновременно из ругани и комплиментов...»

«Конец Есенина огорчил, огорчил обыкновенно, по-человечески, — продолжал поэт в той же статье. — Но сразу этот конец показался совершенно естественным и логичным... утром газеты принесли предсмертные строки:

*В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

После этих строк смерть Есенина стала литературным фактом.

Сразу стало ясно, скольких колеблющихся этот сильный стих, именно — стих, подведет под петлю и револьвер...

Так поэтам СССР был дан социальный заказ написать стихи об Есенине».

Вы ушли, как творится, в мир иной. — В Собрании сочинений Маяковского (1955–1959) дано иное чтение этой строки: «Вы ушли, как говорится, в мир в иной». Основанием для та-

кого исправления послужил, очевидно, текст автографа. В статье «Как делать стихи?» Маяковский рассказал о рождении этой строки, но ни в одном из приведенных им вариантов словосочетания «в мир в иной» не привел. «Окончательная редакция» строки, о которой говорится в статье, вошла и во все прижизненные публикации стихотворения.

...к вам приставить бы кого из напостов...
— то есть критиков, сотрудничавших в журнале «На посту», выходившем в Москве в 1923–1925 гг. под редакцией Б. Волина, Г. Лелевича, С. Родова. Журнал сыграл отрицательную роль в развитии советской литературы. Так называемое «напостовское» руководство РАППа в лице С. Родова, Г. Лелевича, И. Вардина и др., объявив себя проводниками и выразителями партийной линии в литературе (и даже — «Политбюро пролетарской литературы»), на самом деле искажало и вульгаризировало эту линию. Борьбу за пролетарскую литературу и против буржуазных влияний в литературе «напостовцы» вели с сектантских позиций. В писателях-попутчиках они видели врагов советской литературы, подвергая

их заушательской критике («напостовская дубинка»), С подозрительностью, более того — враждебно относились они даже к некоторым литературным группам РАППа. Журнал «На посту» они сделали фактически органом своей маленькой группы, а не органом, выражающим интересы всей ассоциации пролетарских писателей. Решать литературные вопросы «напостовцы» стремились «автономно», независимо от партии, считая свою линию единственно «правоверной» и партийной. Журнал «На посту», в частности, выступал против Горького и Маяковского. После опубликования резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы» журнал был закрыт.

...утомительно и длинно, как Доронин. — Доронин Иван Иванович (р. 1900 г.) — советский поэт, напечатавший в 1926 году поэму «Тракторный пахарь».

В статье «Как делать стихи?» Маяковский так объяснял смысл этого сравнения: «Почему как Доронин, а не как расстояние до Луны, например?.. «Железный пахарь»... длиннее

дороги до луны... 4000 строк Доронина поражают однообразием 16 тысяч раз виденного словесного и рифменного пейзажа...»

...несут стихов заукойный лом... — В статье «Как делать стихи?» Маяковский писал: «По-моему, 99 % написанного об Есенине просто чушь или вредная чушь. Мелкие стихи есенинских друзей... Поэтически эти стихи не могут впечатлять. Эти стихи вызывают смех и раздражение».

...ваше слово слюнявит Собинов... — Современник Маяковского П. Лавут вспоминает, что поэт перед чтением стихотворения объяснял: «Вскоре после смерти Есенина в помещении Художественного театра состоялся вечер его памяти. На фоне тощей, надломившейся березки выступали с «прочувствованными» речами ораторы. Затем Собинов тоненьким голоском запел: «Ни слова, о друг мой, ни вздоха, мы будем с тобой молчаливы...», хотя молчалив был только один Есенин, а Собинов продолжал петь. Вся эта обстановка произвела на меня удручающее впечатление» (П. И. Лавут. Маяковский едет по Союзу. М., «Советская Россия», 1963, стр. 30).

...Леонидом Лоэнгриновичем... — Леонид Витальевич Собинов (1872–1934), знаменитый русский певец, считался лучшим исполнителем роли Лоэнгрина в одноименной опере Рихарда Вагнера.

...чтобы врассыпную разбежался Коган... — Коган, Петр Семенович (1872–1932) — критик, историк литературы. Маяковский часто полемизировал с ним. Коган, писал поэт, «по-моему, изучал марксизм не по Марксу, а постарался вывести его самостоятельно из изречения Луки — «блохи все не плохи, все черненькие и все прыгают», — считающий эту истину высшим научным объективизмом...» («Как делать стихи?»).

Коган стал собирательным именем для Маяковского.

В этой жизни помереть не трудно... — Перефразированные строки предсмертного стихотворения Есенина: «В этой жизни умирать не ново, // Но и жить, конечно, не новей».

Марксизм — оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот! Впервые — журн. «Журналист», М., 1926, № 5, май.

В автографе (ГММ) стихотворение датировано: «19.IV.26», и ему предпослано два эпиграфа».

«То самое затаенное, что думал Пушкин о Радищеве, о Пестеле, о декабристах и революции, но чего сказать не мог своим современникам в форме ясного бытового сюжета, он передал в картинах и образах из египетской жизни, превратив Сенатскую площадь в ложе Клеопатры, а первые смертельные поцелуи русской свободы в поцелуи любви, оплаченной смертью (Л. Войтоловский. Ист. русск. лит., ч. 1, 5 ст.)[1].

Какое разнообразие животного царства проходит перед воображением читателя, когда он перелистывает страницы Ф. Гладкова! Поросенок, цапля, кошка, змея, орел, мопс, паук, сорока, голубь, индюк, ворона, теленок, цыпленок, галка, собака, медведь, вол, жеребец, ястреб, петух, кабан, лягушка, саранча, пиявка, волчица и многие другие, которых я не выписал (В. Вешнев. «Известия» 18/IV—26 г.)»[2].

Эти эпиграфы, зачеркнутые в автографе и не появившиеся в печати, дают основание

предположить, что указанные Маяковским работы критиков разных направлений явились непосредственным поводом к написанию стихотворения. Об этом свидетельствует не только точная дата его создания (следующий день после появления статьи Вешнева), но и содержание стихотворения, направленного против вульгаризации марксистской критики, столь очевидно выраженной в приведенных выступлениях.

Стихотворение Маяковского явилось откликом на резолюцию ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы», в которой, в частности, указывалось: «Марксистская критика должна решительно изгонять из своей среды всякое претенциозное, полуграмотное и самодовольное комчванство. Марксистская критика должна поставить перед собой лозунг — учиться и давать отпор всякой макулатуре и отсебятине в своей собственной среде».

В Лермонтове... целые хоры небесных светил, и ни слова об электрификации... — Маяковский пародирует работы вульгаризаторов от марксизма, выступает в защиту русского

классического искусства. Актуальность выступления поэта подтвердилась и интерпретацией критикой комментируемых строк, о которой поэт рассказал в статье «А что вы пишете?»: «Интересно, что мои язвительные слова относительно Лермонтова — о том, что у него «целые хоры небесных светил, и ни слова об электрификации», изрекаемые в стихе глупым критиком, — писавший отчет в «Красной газете» о вечерах Маяковского приписывает мне, как мое собственное недотепистое мнение. Привожу это как образец вреда персонификации поэтических произведений». Приведенный в статье факт взят Маяковским из отчета о его выступлении, опубликованного в «Красной газете», Л., 1926, 18 мая.

...милюковски юля... — производное от фамилии Милюкова П. Н. (1859–1943), одного из лидеров партии конституционных демократов (кадетов), члена буржуазного Временного правительства. Цель проводимой им политики — стремление согласовать интересы русской буржуазии с интересами монархии, что заставляло его изворачиваться, лавировать

между правым и «левым» крылом партии кадетов.

Лежнев зарадуется — «он про Вешнева». *Вешнее* — «он про Лежнева». — Маяковский здесь иронически говорит о межгрупповой борьбе в литературной жизни тех лет. Принадлежа к разным литературным группировкам (Вешнев, Владимир Георгиевич (1881–1932) — деятель журнала «На посту»; Лежнев (псевд. Горелика, Абрама Захаровича) (1893–1938) — участник группы «Перевал»), эти критики в своей творческой практике осуществляли методы вульгарного марксизма в литературоведении. Они не раз выступали против Маяковского. Полемике с Лежневым посвящен ряд выступлений Маяковского: «Только не воспоминания», «Расширение словесной базы» и др.

Первомайское поздравление. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 1 мая и «Красная газета», утренний выпуск, Л., 1926, 1 мая.

В этих публикациях, вышедших одновременно, стихотворение напечатано по-разному: в «Известиях» — без разбивки на стихо-

творные строки, как проза; в «Красной газете» — с обычной для Маяковского разбивкой на строки «лесенкой». Публикация в виде прозаического текста отражала авторский замысел: «В целях эстетики и экономии бумаги пробую стихи печатать без разделов на строчки», — написано в автографе стихотворения и в машинописной копии, с которой делался набор в газете «Известия».

В настоящем издании стихотворение печатается по тексту «Известий».

Четырехэтажная халтура. Впервые — газ. «Комсомольская правда», М., 1926, 5 мая.

О замысле стихотворения Маяковский рассказал в статье «А что вы пишете?»: «Ответственность за халтуру и деквалификацию лежит на всех. У каждого своя роль, выведенная в моем стихе «Четырехэтажная халтура»... С этим должны бороться все... Безобразие халтуры не поборешь в одиночку, необходимо помочь кадрам начинающих писателей разбираться в собственном производстве, воспитать в себе чувство отбора, знать, при каких условиях стихотворный выстрел достигает

цели, попадает в цель».

Вшивают в Маркса Аверченковы листы, выписывают гонорары Цицеронам. — Речь идет о реальных фактах, имевших место в Госиздате: в один из томов Собрания сочинений К. Маркса по небрежности при брошюровке попало несколько страниц из сборника фельетонов А. Т. Аверченко (1881–1925); бухгалтерия выписала Цицерону, Марку Туллию (106–43 гг. до н. э.) гонорар за издание его произведений.

В Африки, вслед за Бенуями... — Очевидно, имеется в виду французский писатель Пьер Бенуа (1886–1962), автор авантурных романов, которые широко популяризировались в те годы некоторыми издательствами в нашей стране: за три года (1922–1925) на русский язык было переведено 7 романов Бенуа. (Действие в романах Бенуа происходит, как правило, в Африке и других экзотических странах.)

...Радимов с греко-рязанским своим гекзаметром! — Радимов, Павел Александрович (1887–1967) — советский поэт. В статье «Как делать стихи?» Маяковский писал о несостоя-

тельных попытках некоторых поэтов «накинуть старую форму на новый факт»: «Форма чаще всего не по росту: или факт совсем затеряется, как блоха в брюках, например, радимовские поросята в его греческих, приспособленных для «Илиад», пентаметрах, — или факт выпирает из поэтической одежды и делается смешным, вместо величественного». Говоря о «радимовских поросятах», Маяковский имел в виду стихотворение «Свиное стадо», опубликованное Радимовым в сборнике «Телега» (1926).

Английскому рабочему. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 8 мая, с примечанием: «Вношу гонорар за это стихотворение в забастовочный фонд и вызываю товарищей поэтов. Вл. М.».

Стихотворение написано в связи со всеобщей забастовкой английских рабочих 4–12 мая 1926 года (см. экстренный выпуск газет «Правда» и «Известия» от 4 мая 1926 года, вышедших с аншлагом «Столкновение классов в Англии»).

Болдуин, Стенли (1867–1947) — английский

реакционный политический деятель, лидер консервативной партии; премьер-министр Великобритании в 1924–1929 годах; руководил подавлением всеобщей забастовки. В области внешней политики являлся вдохновителем и организатором антисоветских провокаций.

...сэр Макдональд пошел церстелить... — Макдональд, Джемс Рамсей (1866–1937) — английский политический деятель, вождь лейбористской партии, сыграл предательскую роль во время забастовки; проводил антирабочую и антисоветскую политику. Церстелить — нарицательное слово от фамилии Церетели (Ираклий Георгиевич, 1882–1959), одного из лидеров меньшевизма. После Великой Октябрьской социалистической революции Церетели возглавил антисоветский блок в Учредительном собрании, был лидером грузинских меньшевиков и членом контрреволюционного грузинского меньшевистского правительства. После победы Советской власти в Грузии — белоэмигрант (1921 г.).

Разговор с фининспектором о поэзии.

Впервые — отдельным изданием в изд-ве «Заккнига» (Тифлис), 1926.

О замысле стихотворения Маяковский рассказал в статье «А что вы пишете?»: «Качество писательской продукции (в связи с этим и положение писателя в нашем советском обществе) чрезвычайно пошатнулось, понизилось, дискредитировалось.

Здесь были и объективные причины временного понижения — многолетняя работа последнего времени от срочного задания к срочному заданию, отсутствие времени на продумывание формальной стороны работы. Это сознательное временное приспособление слова имело и свои положительные результаты — очищение языка от туманной непонятности, сознательный выбор, поиск целевой установки.

Значительно хуже — субъективные причины принижения качества. Это писательская бессовестная, разухабистая халтурщина: постоянное предпочтение фактических заказов всем социальным, циничное предположение, что неквалифицированный читатель сожрет все, и т. д.

Ощущению квалификации посвящено мое главное стихотворение последних недель — «Разговор с фининспектором о поэзии»...»

Борясь за повышение качества «стихотворной продукции», Маяковский одновременно отстаивает принципы партийности и народности социалистического искусства, утверждает, что место поэта всегда «в рабочем строю».

Московский Китай. Впервые — журн. «Прожектор», М., 1926, № 9, 15 мая.

Чжан Цзо-лин... — Здесь и далее Маяковский называет имена реакционных китайских генералов.

...над заведением «Китайский труд»... — название прачечной в Москве.

...когда в Китай придут октябрьские повторы... — Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в Китае в 1924 году начался подъем национально-освободительного движения под руководством Сунь Ят-сена.

Передовая передового. Впервые — «Красная газета», вечерний выпуск, Л., 1926, 26 мая.

...под увековечливую ахровскую кисть. — Имеются в виду тенденции натурализма, характерные для некоторых художников, входивших в АХРР (Ассоциацию художников революционной России, организованную в 1922 году). Критическое упоминание АХРРа встречается в ряде стихотворений Маяковского этого периода.

Взяточники. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 30 мая.

Тантьемы — один из видов вознаграждения руководящего состава предприятий, оплачиваемого обычно из прибылей.

В повестку дня. Впервые — газ. «Комсомольская правда», М., 1926, 30 мая.

Протекция. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 6 июня.

Любовь. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 13 июня.

Послание пролетарским поэтам. Впервые — газ. «Комсомольская правда», М., 1926, 13 июня.

В «Послании» Маяковский, выступая против бесплодных групповых споров, призывает к консолидации поэтических сил на единой принципиальной основе борьбы за коммунизм. По мысли Маяковского, главным мерилом поэзии должна быть коммунистическая партийность («...давайте без завистей и без фамилий класть в коммунову стройку слова-кирпичи»; «я меряю по коммуне стихов сорта...»).

Многие пользуются напостовской тряскою. — От названия журнала «На посту» (издавался в 1923–1925 гг.) — затем «На литературном посту» (1926–1932) — органа РАППа — Российской ассоциации пролетарских писателей. Деятельность этого журнала, выступавшего от имени «пролетарских» писателей, была практически направлена на разжигание межгрупповой вражды, против писателей, творчество которых не укладывалось в прокрустово ложе рапповских схем, ложное

возвеличивание «угодных» литераторов и т. п., и нанесла большой вред советской литературе (см. примечания к стихотворению «Сергею Есенину», стр. 437).

Фабрика бюрократов. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 20 июня.

Товарищу Нетте пароходу и человеку. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 22 августа, с авторской датой: «15 июля. Ялта».

Нетте, Теодор Иванович (1896–1926) — член партии с 1914 года, советский дипкурьер; был убит 5 февраля 1926 года при исполнении служебных обязанностей, при перевозке дипломатической почты в поезде, следовавшем в Берлин.

По воспоминаниям П. Лавута, организатора публичных выступлений Маяковского в поездках по стране, Маяковский предварял чтение этого стихотворения следующим рассказом:

«Я хорошо знал товарища Нетте. Это был коренастый латыш с приятной улыбкой, в больших роговых очках. Я встречался с ним

много раз. Приходилось ездить в одном купе за границу... В прошлый мой приезд, в Ростове (5 февраля 1926 года. — *Ред.*), на улице я услышал — газетчики кричат: «Покушение на наших дипкурьеров Нетте и Махмастля». Остолбенел. Это была моя первая встреча с Нетте уже после его смерти. Вскоре первая боль улеглась. Я попадаю в Одессу. Пароходом направляюсь в Ялту. Когда наш пароход покидал одесскую гавань (28 июня 1926 года. — *Ред.*), навстречу шел другой пароход, и на нем золотыми буквами, освещенными солнцем, два слова — «Теодор Нетте». Это была моя вторая встреча с Нетте, но уже не с человеком, а с пароходом» (П. И. Лавут. Маяковский едет по Союзу. М., «Советская Россия», 1963, стр. 31–32).

Ужасающая фамильярность. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 27 августа.

Текст печатается по первой публикации с исправлениями по черновому автографу.

Канцелярские привычки. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 29 августа, со следу-

ющей датой, очевидно, шуточной: «Ялта, Симферополь, Гурзуф, Алупка и т. д. 1, 2, 3, 4/1, II, III, IV, V и т. д.».

Беспризорщина. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 4 сентября.

«**МЮД**». Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 5 сентября, под рубрикой «За международную солидарность рабочей и крестьянской молодежи».

Стихотворение посвящено XII Международному коммунистическому юношескому дню (МЮД'у).

Две Москвы. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 12 сентября.

Моссельпром — Московское объединение предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции.

Великая стройка уже начата. — Речь идет о реализации решений исторического XIV съезда партии (18–31 декабря 1925 г.), наметившего ленинский курс на социалистическую индустриализацию страны как главно-

го, решающего звена в борьбе за переустройство советской экономики, за ускорение темпов социалистического строительства.

...бросая со Спасской гимн боевой. — В те годы куранты на Спасской башне Кремля в 12 часов ночи исполняли «Интернационал».

Разговор на одесском рейде десантных судов: «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия». Впервые — журн. «Новый мир», М., 1926, № 12, декабрь.

Это одно из лучших лирических стихотворений Маяковского; написано под впечатлением от пребывания в Одессе в июне 1926 года. Стихотворение было прочитано Маяковским в Москве, на вечере в Политехническом музее, 20 сентября 1926 года.

Хулиган («Республика наша в опасности...»). Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 19 сентября.

Хулиган («Ливень докладов...»). Впервые — журн. «За 7 дней», М., 1926, № 10, сентябрь.

30 сентября 1926 года стихотворение было прочитано Маяковским в Москве, в Политехническом музее, на диспуте о хулиганстве. Поэт сказал: «Нужно видеть, где хулиганство переходит в другие виды преступления. Хулиганство — именно бесцельное озорство. Не нужно выступать резкими моралистами, нужно изживать хулиганство культурными и административными мерами, развертыванием работы клубов...» («Известия ЦИК», М., 1926, 2 октября).

В мировом масштабе. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 26 сентября, под заглавием «Хулиганы в мировом масштабе».

...что учинил Зевéринг над рабочей демонстрацией в Бреславле? — По приказу Зеверинга — в то время министра внутренних дел Пруссии — 21 сентября 1926 года в Бреславле была зверски расстреляна демонстрация безработных («Правда», 1926, 22 сентября).

...хулиган-погромщик, нападающий на комсомол в Новосибирске! — «Комсомольская правда» 6 сентября 1926 года сообщала, что в Новосибирске 5 сентября 1926 года группа ху-

лиганов напала на комсомольцев, собравшихся принять участие в демонстрации в честь Международного юношеского дня.

В Чемберлене тоже не заметно лени... — Чемберлен, Остин (1863–1937) — английский государственный деятель, проводивший политику возрождения германского милитаризма в целях использования его для войны против Советского Союза. В 1924 году он добился аннулирования советско-английского договора, в мае 1927 года — разрыва английским правительством дипломатических отношений с СССР; ярый враг национально-освободительного движения в Китае. Будучи министром иностранных дел (1924–1929) Великобритании, имел прямое отношение к варварскому обстрелу в Китае речного порта Ваньсянь.

40 ленинградских хулиганов. — Речь идет о группе ленинградских хулиганов, судимых народным судом в 1926 году.

Чжан Цзо-лин — реакционный китайский генерал, проводивший политику, угодную империалистическим кругам Великобритании.

Маршал расшибает двери клубные... — В 1926 году китайская полиция по приказу Чжан Цзо-лина произвела в Харбине хулиганский налет на школу и здание клуба советских граждан, обслуживавших Китайско-Восточную железную дорогу.

Лев Толстой и Ваня Дылдин. Впервые — журн. «За 7 дней», М., 1926, № 11, сентябрь, с иллюстрациями Маяковского.

Мечта поэта. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 3 октября.

Праздник урожая. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 6 октября, под рубрикой «Праздник урожая — показ культурных побед деревни».

Мои прогулки сквозь улицы и переулки. Впервые — журн. «За 7 дней», М., 1926, № 12, октябрь.

Продолжение прогулок из улицы в переулок. Впервые — журн. «За 7 дней», М., 1926,

№ 13, октябрь, со следующим примечанием: «Видели: Свой и Без подписи. Воспел: Вл. Маяковский».

А на Генеральной, у Проводниковского дома... — Речь идет о заводе «Проводник», который находился на Генеральной улице (сейчас — Электрозаводская).

Земли слухами полны: Гамбург — фабрика луны... — См. у Гоголя: «Луна... делается в Гамбурге...» (фраза принадлежит Поприщину из «Записок сумасшедшего»). Одно из многочисленных упоминаний образов Гоголя у Маяковского.

РКИ (Рабкрин) — Рабоче-крестьянская инспекция, орган государственного контроля, действовавший в Советском государстве с 1920 по 1934 год.

Искусственные люди. Впервые — «Красная газета», вечерний выпуск, Л., 1926, 9 октября, под заглавием «Механические люди».

...нагруженный Гужон... — Металлообрабатывающий завод Гужона в Москве (теперь завод «Серп и молот»).

Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому. Впервые — журн. «Новый Леф», М., 1927, № 1, январь.

18 октября 1926 года стихотворение впервые прочитано поэтом в Киеве.

Маяковский придавал большое значение этому произведению, рассматривая его как программное. Об этом свидетельствует и большая работа над словом-образом, отразившаяся в черновом автографе, и самый стиль этого стихотворения, отличающийся некоторой торжественностью, масштабностью ораторской интонации, и последующие высказывания поэта об этом произведении. Программность стихотворения заключалась в утверждении нового искусства в целом, как искусства социалистического реализма.

В «Письме...» нашли отражение реальные факты личных и творческих взаимоотношений Маяковского и Горького. Эти отношения в достаточной мере изучены в советском литературоведении, особенно в последние годы, благодаря публикации целого ряда архивных документов, ранее не доступных широкому

читателю. Эти материалы позволяют более реально — то есть более сложно и драматически — представить отношения двух замечательных художников, внутренне между собой связанных, сняв с этих отношений «хрестоматийный глянец», с одной стороны, и с другой — освободив их от той суеты и мелкости, к которой порой они в нашем представлении сводились.

Алексей Максимович, как помню, между нами что-то вышло вроде драки или ссоры... — История личных и творческих взаимоотношений Маяковского и Горького, несмотря на сложный и порой драматический характер этих отношений, свидетельствует о глубокой внутренней связи двух писателей, явившихся родоначальниками литературы социалистического реализма.

Известно, что Горький первым заметил талант Маяковского и выделил поэта из окружающей его среды. Горький привлек Маяковского к работе в журнале «Летопись» и способствовал выходу в свет в издательстве «Парус» первого сборника стихотворений поэта «Простое как мычание». Горький активно

поддерживал молодого поэта, вел борьбу за него — с его литературной средой и с ним самим. Футуристическое (а затем лефовское) окружение поэта, конкретные люди из окружения и Горького и Маяковского немало сделали для того, чтобы поссорить их и поддержать взаимное непонимание, которое могло быть следствием этой ссоры. (О взаимоотношениях М. Горького и В. Маяковского рассказывает в статье «Горький был для него ближе» М. Козьмин.)

В борьбе за новое, социалистическое искусство Горький и Маяковский были едины. «Главное — это их идейное и творческое единство, определяемое общим пониманием цели и задач литературы в строительстве новой социалистической жизни и в борьбе со старым буржуазным миропорядком» (М. Козьмин. Горький был для него ближе. Сб. «Маяковский и современность». М., 1977, стр. 56).

Трагическая гибель Маяковского потрясла Горького. Перечитывая в 1932 и 1934 годах книги поэта, вышедшие после его смерти, Горький отметил те места в них, которые сви-

детельствовали об оптимистическом строе поэзии Маяковского, как нельзя более противоречившем его трагическому концу.

В 1934 году Горький упрекал составителей «Словаря литературного языка» в том, что в нем отсутствует современная живая речь, что в нем, в частности, нет образцов поэтического языка Маяковского — человека «весьма чуткого к затейливой игре языка и «слово-творца».

Очень жалко мне, товарищ Горький, что не видно вас на стройке наших дней. — В этих строках Маяковского отразилась его искренняя и горячая заинтересованность в судьбе социалистической культуры, в которой Горький по праву занимал ведущую роль. Отвечая на обвинение критиков (И. Нусинова, В. Полонского, А. Воронского, А. Лежнева) в «непочтении к Максиму Горькому» и одновременно отмежевываясь от участников Лефа, таких, как О. Брик, Н. Чужак-Насимович и др., которые при оценке Горького не поднимались выше узкогрупповых придиорок, Маяковский разъяснял: «Восемь лет мы сидим здесь, какое у нас литературное положение? Много

у нас квалифицированных литературных сил, прозаиков много? Нет. Хотим мы видеть Горького в нашей литературе? Хотим. Имеем мы право упрекнуть его в том, что он от песни о соколе перешел к песне об уже? Можем ли мы восстанавливать призывное знамя своими собственными силами? Можем. Это есть тенденция, это есть... <основа> моего стихотворения о Горьком» (Выступление на диспуте «Леф или блеф?» 23 марта 1927 г.).

«Письмо...» не носит характер полемических реплик — это большой и ответственный разговор о роли советского писателя в непосредственном строительстве социалистического общества. Неся полемический запал, «Письмо...» вместе с тем является своеобразным шагом к примирению и продиктовано страстным желанием видеть пролетарского писателя «на стройке наших дней».

«Споря» с Горьким, Маяковский в то же время обращается к нему за помощью, он «искренне хотел чувствовать локоть Горького и обращался к нему как к человеку и писателю, способному возглавить литературное движение в стране». (А. Метченко. Маяковский.

стрельный метод...», «Четырехэтажная халтура», «Разговор с фининспектором о поэзии», «Послание пролетарским поэтам» и др.

Думаете — с Капри, с горки Вам видней?.. — В действительности, в это время (1926) Горький жил в Сорренто. Географическая «описка» Маяковского сознательна, она вызвана полемической направленностью стихотворения.

Продают «Цемент» со всех лотков. Вы такую книгу, что ли, цените? — Здесь выражено спорное мнение Маяковского, принявшего участие в большой литературной полемике в связи с выходом в свет романа Ф. В. Гладкова «Цемент» (1925). См. также статью Маяковского «Подождем обвинять поэтов» (1926).

...говорят, что Вы открыли мощи этого... *Калинникова.* — Калинников, Иосиф Федорович (1890–1934) — писатель, переводчик. После революции эмигрировал за границу.

М. Горький в письме от 24 апреля 1925 года рекомендовал редактору журнала «Красная новь» и председателю правления изд-ва «Круг» А. К. Воронскому повесть Иосифа Калинникова «Мощи», как «вполне заслужива-

ощую внимания». (См. «М. Горький и советская печать», кн. 2, М., «Наука», 1965, стр. 18–19).

Роман «Мощи» был напечатан издательством «Круг» в 1923–1926 годах. Переосмыслив творчество И. Калининкова, Горький писал ему: «Если Вам еще нравятся «Мощи» — это плохой признак. Значит — Вы ничему не научились...» и указывал, что в романе «слишком крутой уклон в сторону «сексуальной психологии» принимает... облик «психопатологии» (Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., «Наука», 1966, стр. 77).

А рядом молотобойцев анапестам учит профессор Шенгели. — Шенгели, Георгий Аркадьевич (1894–1956) — поэт, переводчик, автор книг «Практическое стиховедение» (1926), «Как писать статьи, стихи и рассказы» (1926). Маяковский характеризовал эти книги как «беспринципные и вредные руководства» («А что вы пишете?»). В 1927 году Шенгели выпустил злобный пасквиль о поэте — «Маяковский во весь рост».

Или жить Вам, как живет Шаляпин... — Федор Иванович Шаляпин (1873–1938) — ве-

ликий русский артист. В первые годы революции неоднократно выступал перед рабочей и красноармейской аудиторией, в 1918 году получил звание народного артиста республики. В 1922 году эмигрировал за границу. Незадолго до смерти принял решение возвратиться на родину. Свое желание осуществить не успел.

...разве не лучше, как Феликс Эдмундович, сердце отдать временам на разрыв... — Держинский, Феликс Эдмундович (1877–1926) — выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства; член партии с 1895 года; активный участник революционного движения. После Октябрьской социалистической революции — председатель ВЧК, позднее — нарком внутренних дел; с 1921 года также председатель Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, народный комиссар путей сообщения.

Умер после заседания Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором выступил с пламенной речью, отстаивая генеральную линию партии против троцкистов.

По свидетельству современников, смерть

Дзержинского глубоко потрясла Маяковского. Образ Дзержинского, пламенного революционера, бесстрашного рыцаря революции, нашел воплощение в ряде произведений поэта — в поэме «Хорошо!», стихотворении «Солдаты Дзержинского» и др.

Тип. Впервые — журн. «Крокодил», М., 1926, № 38, октябрь, под заглавием «Три хулигана».

Судя по заглавию в журнале и строчкам:

*Из мордovorотной плеяды их
я выбираю троих —*

Маяковский предполагал продолжить тему и дать еще два типа хулигана.

Политграмота Бердникова. — Имеется в виду книга А. Бердникова и Ф. Светлова «Курс политграмоты».

Долг Украине. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 31 октября.

Октябрь 1917–1926. Впервые — журн. «Красная панорама», Л., 1926, № 45, 5 ноября,

под заглавием «Октябрь 25/X—7/XI» (в другой публикации — журн. «Молодая гвардия», М., 1926, № 11, ноябрь — стихотворение называлось «Мы и прадеды»).

Не юбилейте! Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 7 ноября.

Стоящим на посту. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 12 ноября.

О том, как некоторые втирают очки товарищам, имеющим циковские значки. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 19 декабря, под заглавием «Как некоторые втирают очки имеющим циковские значки».

Наш паровоз, стрелой лети. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 22 декабря.

Рождественские пожелания и подарки. Впервые, полностью, — газ. «Известия ЦИК», М., 1926, 25 декабря.

Рабочим — миллионы стойких Куков... — Кук, Артур Джемс (1884–1931) — генеральный

секретарь Федерации английских горнорабочих, в 1926 году возглавлял забастовку горняков, продолжавшуюся несколько месяцев.

Наше новогодие. Впервые — газ. «Известия ЦИК», М., 1927, № 1, 1 января.

...кто переписью переписан... — 17 декабря 1926 года в Советском Союзе была проведена вторая после революции перепись населения. Первая перепись проходила 28 августа 1920 года.

А. Крюкова

Примечания

Приведенный Маяковским текст взят из «Введения» к книге Л. Войтоловского «История русской литературы XIX и XX веков». Часть I. Пушкин — Достоевский. (М.-Л., Гос. изд-во, 1926, стр. 5.)

[^^^]

2

Текст взят из рецензии В. Вешнева «Федор Гладков» (на Собр. соч. Ф. Гладкова в 3 тт.), напечатанной в газете «Известия ЦИК», 1926, 18 апреля.

[^^^]